Б 82/11
Б Ф 1

ВОСПОМИНАНІЕ О КРЫМѢ

ВВЕДЕНІЕ.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ, ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КРЫМСКАГО ПОЛУОСТРОВА.

АЛЬБОМЪ
ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ ВИДОВЪ
КРЫМА.

26 гравюръ на стали съ текстомъ.

Одесса.
Изданіе Эмиля Беридта.

Лейпцигъ.
Грав. Юлій Беридтъ.

АЛЬБОМЪ

ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ ВИДОВЪ

КРЫМА

26 ГРАВЮРЪ НА СТАЛИ СЪ ТЕКСТОМЪ.

ОДЕССА
ИЗДАНІЕ ЭМИЛЯ БЕРНДТА.
1869.

Гос. Историч. [illegible] В-ка
Инвент. № 304528
„ ... 193 г.

Крымъ, въ древности *Таврида*, или *Херсонесъ Таврическій*, съ давнихъ временъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе путешественниковъ своими историческими воспоминаніями, остатками древностей, которыя сохраняются въ немъ до сегодня, и очаровательною прелестью своей природы.

Крымъ образуетъ изъ себя полуостровъ, извѣстный теперь подъ именемъ *Таврическаго* или *Крымскаго*, который соединяется съ материкомъ Европы посредствомъ узкаго *Перекопскаго* перешейка. Перешеекъ этотъ, по словамъ ученыхъ и по свидѣтельству нѣкоторыхъ древнихъ писателей, не существовалъ въ глубокой древности, и въ Крымъ нельзя было попасть иначе, какъ ввѣрив себя бурнымъ волнамъ Чернаго моря, которое поэтому и потому еще, вѣроятно, что на берегу его жили дикіе, кровожадные народы, и названо было древними греками „негостепріимнымъ“ — *Понтосъ Аксенось*. Но втеченіе вѣковъ, вслѣдствіе дѣйствія различныхъ силъ природы, вслѣдствіе геологическихъ переворотовъ, пониженія моря и т. п., сдѣлалось то, что Крымъ соединился съ твердою землею названнымъ выше узкимъ перешейкомъ.

Съ запада и съ юга живописные берега Крыма продолжаютъ купаться и теперь въ Черномъ морѣ; съ востока его омываетъ неглубокій Керченскій проливъ (въ древности *Босфоръ Киммерійскій*) и Азовское море (древн. Palus Meotides); съ сѣвера границею ему служитъ узкій Перекопскій перешеекъ, называемый татарами *Орз-Бошази;* ширина его отъ 5 до 7 верстъ. Въ древности онъ былъ перекопанъ глубокимъ рвомъ и защищенъ стѣною; на немъ было устроено укрѣпленіе, называвшееся у Татаръ *Орз-Капи*.

Почти три части Крыма покрыты обширною равниною степей, и только остальная часть полуострова гориста. Крымскія степи какъ бы окаймлены горами съ югозапада и юговостока.

Вся цѣпь Таврическихъ горъ (татары называютъ ее *Яйлою*) простирается отъ Балаклавы до Ѳеодосіи, на 150 или 175 верстъ; ширина ея различна по причинѣ отроговъ, идущихъ отъ нея по обѣимъ сторонамъ, т. е. отъ юга на сѣверъ. Самая возвышенная часть Яйлы тянется вдоль южнаго берега моря, спускаясь съ одной стороны къ западу, у Балаклавы, а съ другой у Ѳеодосіи.

Отъ нея отдѣляются, — вѣроятно оторванныя геологическими переворотами, — значительныя возвышенности, оставляя въ промежуткахъ глубокіе овраги, а иногда и настоящіе кратеры, какъ напр. *Кастель гора*, *Аюдагъ*, *Никита-бурунъ* и пр.

Поверхность Яйлы совершенно обнажена, не видно ни дерева, ни кустарника; она представляетъ обширныя плоскости, покрытыя густой, но невысокой травой и множествомъ цвѣтовъ сѣверной флоры: крупныя незабудки, этотъ прелестный сѣверный цвѣтокъ, растущій только у болотъ и ручьевъ, покрываетъ на вершинахъ Яйлы огромныя пространства, между тѣмъ какъ тамъ нѣтъ ни одного ручья. Пастухи, выгоняющіе сюда стада свои, въ знойные лѣтніе мѣсяцы, пьютъ снѣговую воду (снѣгъ они собираютъ въ глубокихъ ямахъ и ущельяхъ, гдѣ онъ остается все лѣто); стада поятъ изъ лужъ, гдѣ собирается дождевая вода. Безпрерывные туманы, частые дожди сохраняютъ на Яйлѣ влагу въ почвѣ въ самое жаркое время года. Холодные восточные вѣтры, дующіе почти постоянно на этихъ высокихъ мѣстностяхъ, заставляютъ пастуховъ одѣваться ночью въ шубы, да и днемъ не позволяютъ имъ легко одѣваться.

На югъ къ морю, Яйла спускается почти отвѣсными скалами и уступами, чрезвычайно разнообразныхъ формъ и очертаній. Самою возвышенною точкою Яйлы считаютъ гору *Чатырь-даг* (русскіе называютъ ее *Палатъ-гора;* татарское *чатыр* значитъ *шатеръ*, а *даг — гора;* древніе же называли Чатыр-дагъ *Трапезосъ*. Возвышаясь на 5, 136 ф. надъ уровнемъ моря, Чатыръ-дагъ виднѣется верстъ за 80 почти со всѣхъ пунктовъ полуострова. Шатеръ его служитъ крымскимъ жителямъ своего рода барометромъ: если онъ скрытъ въ тучахъ, говорятъ, слѣдуетъ ожидать дождя, и наоборотъ. Видъ, открывающійся съ вершины Чатыръ-дага, — удивительный. Съ сѣвера виднѣется Симферополь и вся роскошно-зеленая Салгирская долина, и далѣе простирается цѣлое море степей, которыя тянутся на необозримое пространство: къ западу отъ Чатыръ-дага идутъ лѣса и горы, подымающіяся то въ видѣ какаго либо древняго замка или башни, то подобно крѣпостнымъ стѣнамъ, то нагроможденныя одна на другую въ видѣ пирамидъ; съ юга красуется Алушта, съ ея прелестною долиной, сосѣднія татарскія деревни и море — синее, далекое, искрящееся на солнцѣ; съ востока опять горы, утесы и между ними виднѣется въ синей дали самой оригинальный формы гора — *Демерджи*. Въ очень ясную погоду, когда воздухъ особенно прозраченъ, можно видѣть узкую полосу Сиваша.

Южная сторона Яйлы подымается на 4 и 5 т. фут. надъ уровнемъ моря обнаженными и безлѣсными скалами, изъ расщелинъ которыхъ часто вытекаютъ источники, падая каскадами съ высоты нѣсколькихъ саженей. Растительность на склонахъ горъ начинается только съ 3,000 ф. высоты; тутъ попадаются прекрасные сосновые лѣса, растущіе по крутымъ обрывамъ, ниже — дубъ, грабъ, часто букъ, вязъ, липа, арбутусъ, краса крымскихъ лѣсовъ, можевельникъ, рябина и др. На полянахъ встрѣчается много одичалыхъ фруктовыхъ деревъ и одичалый виноградъ. Виноградъ этотъ, вмѣстѣ съ плющемъ, ломоносомъ и дикой розой составляютъ крымскія ліаны, которыя обвиваютъ цѣлыя скалы, взбѣгаютъ на деревья и своими разнообразными цвѣтами придаютъ особенную прелесть крымскимъ лѣсамъ, распространяя въ глубинѣ ихъ свѣжій, здоровый и пріятный запахъ во время цвѣтенія. Весною на лугахъ и въ долинахъ пестрѣютъ бѣлыя, желтыя и розовыя примулы, синіе гіацинты, блестятъ голубые глазки вероники, синѣютъ душистыя фіялки и множество другихъ цвѣтовъ горной флоры.

По берегу моря, на всемъ протяженіи отъ Балаклавы до Ѳеодосіи, разбросано много татарскихъ деревень которыя лѣпятся по уступамъ скалъ; всѣ онѣ окружены садами, табачными плантаціями, пахатными лугами. Много встрѣчается и хорошенькихъ домиковъ садовладѣльцевъ, уютно скрывающихся въ тѣни кипарисовъ и вѣчно-зеленыхъ кустовъ лавра, рамнусовъ, фотиній и др. Особенно мимозы придаютъ много прелести этимъ садамъ. Отъ окрестностей Ялты начинается рядъ великолѣпныхъ, богатыхъ южнобережскихъ дачъ, принадлежащихъ вельможамъ и богачамъ, гдѣ красуется нѣсколько великолѣпныхъ дворцовъ, множество красивыхъ сельскихъ домиковъ, родъ англійскихъ *коттеджей* и гдѣ разведено много очаровательныхъ садовъ и богатыхъ виноградныхъ плантацій.

Большая почтовая дорога вьется отъ Алушты до Севастополя то подымаясь, то опускаясь по скатамъ горъ. Синее, прозрачное море, тихо плещущее лѣтомъ и страшно-бурливое и ужасное зимою, составляетъ главную прелесть южнаго берега Крыма.

Климатъ здѣсь весьма непостояненъ; лѣто вообще жаркое; солнце раскаляетъ до того землю, что она трескается. Рѣчки высыхаютъ, трава желтѣетъ, выгараетъ до корня. Зной былъ бы невыносимъ, еслибы свѣжій морской вѣтерокъ не освѣжалъ атмосферы; дожди лѣтомъ рѣдко идутъ; осень самое пріятное время года въ горахъ и на южномъ берегу; тутъ растительность какъ бы оживаетъ послѣ знойныхъ лѣтнихъ дней, все вновь цвѣтетъ и зеленѣетъ; погода чудная, не жаркая, не холодная; такъ стоитъ до половины ноября; но иногда въ январѣ и въ февралѣ бываютъ совершенно теплые и свѣтлые дни и розы не перестаютъ цвѣсть. Суровой зимы въ горной части Крыма не бываетъ.

Съ сѣверной стороны цѣпь Яйлы, съ своими отрогами, составляетъ какъ бы вторую цѣпь горъ, паралельную первой; она возвышается до 3 т. ф. высоты. Горы, идущіе отъ этой второй цѣпи, постепенно понижаются и совершенно сглаживаются за Симферополемъ, гдѣ начинаются крымскія степи. На возвышенныхъ отрогахъ здѣсь растутъ также превосходные лѣса: букъ, дубъ, грабъ, тисъ и даже береза. Лѣса эти подымаются часто по страшнымъ крутизнамъ и спускаются въ глубокіе овраги, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ главныя рѣчки Крыма: *Салгиръ*, впадающій въ Сивашъ, *Бѣлбекъ*, *Кача*, *Алма*, *Бурлинакъ*, впадающія въ Черное море. — Здѣсь, въ тѣни лѣсовъ, на мягкой лиственной

почвѣ, растутъ красивые папоротники и множество земляники. По долинамъ, отличающимся необыкновенно красивыми пейзажами, разбросано много татарскихъ деревень; по скаламъ виднѣются остатки древнихъ крѣпостей, башень, полуразрушенныхъ стѣнъ. Во многихъ скалахъ изсѣчены пещеры или *криты*, — жилища существовавшихъ нѣкогда въ Крыму троглодитовъ.

Такова общая картина природы горной части и прелестнаго во всѣхъ отношеніяхъ южнаго берега Крыма. Степная природа Крыма составляетъ совершенную противуположность природѣ горной части полуострова. Безжизненныя, пустынныя степи оживляются только весной; согрѣтыя солнцемъ, еще влажныя отъ только что стаявшихъ снѣговъ, степи покрываются въ это время года пестрымъ ковромъ самыхъ красивыхъ и самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ: необозримыя поля тюльпановъ, анемоновъ, ирисовъ, гіацинтовъ ярко свѣтлѣютъ на солнцѣ; птицы вьются въ воздухѣ, въ травѣ копошится цѣлый міръ личинокъ, жучковъ, букашекъ, порхаютъ міріады яркокрылыхъ бабочекъ, разнообразя до чрезвычайности и оживляя эту пестроту полей. Но только начнутся жары, только заиграютъ въ цвѣтахъ палящіе лучи солнца, — и вся растительность степей и все живое какъ будто замираетъ; душистыя и пестрыя поля цвѣтовъ превращаются въ сѣрыя, пыльныя равнины, съ обгорѣлою и засохшею травою и жадно просятъ дождя и всеоживляющей грозы, къ сожалѣнію, бывающей въ степяхъ такъ рѣдко лѣтомъ. Стаи мелкихъ пѣвучихъ птицъ улетаютъ и остаются только крикливые хищники, медленно парящіе въ раскаленной атмосферѣ, да суслики выпрыгиваютъ изъ своихъ норокъ, любопытно посматриваютъ по сторонамъ и, ставъ на заднія лапки, испускаютъ пронзительный свистъ по степи. Зимою картина степей еще печальнѣе: наносятся сугробы снѣга, бушуютъ мятели, вьюги, небо какого то свинцоваго цвѣта; мрачныя, тяжелыя тучи низко носятся надъ землей, быстро гонимыя вѣтромъ; ни жилья, ни дерева, ничего живаго не видно вокругъ: снѣгъ да мрачное небо. И положеніе путника, застигнутаго въ зимнюю пору бурею въ степяхъ, — самое безотрадное и ужасное.

Но не всегда эти степи были такъ пустынны и безжизненны. Съ тѣхъ поръ, какъ знаетъ ихъ исторія, много народовъ прошло по нимъ, много крови человѣческой обагрило ихъ и много мертвыхъ тѣлъ человѣческихъ, втеченіе вѣковъ, легло здѣсь и удобрило почву этихъ пустынныхъ теперь и безжизненныхъ степей.

Крымскія степи, вмѣстѣ съ степями всего юга Россіи, составляютъ, можно сказать, продолженіе того великаго степнаго пространства, которое изъ глубины Азіи врывается въ Европу. Такъ точно и сами первобытные народы и обитатели Крыма пришли сюда также изъ глубины Азіи. Все степное пространство нынѣшняго юга Россіи, къ которому примыкаютъ и крымскія степи, у древнихъ было извѣстно подъ общимъ именемъ *Скиѳіи*, а собственно Крымъ у писателей древности слылъ подъ именемъ *Таврескиѳіи*. „Отецъ исторіи", Геродотъ, за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ, первый подробно описываетъ обитателей этихъ степей, *Скиѳовъ*, и обитателей горной части Крыма, *Таѳровъ*. Онъ передаетъ намъ вмѣстѣ съ многими положительными и весьма интересными свѣдѣніями объ образѣ жизни, нравахъ и проч. этихъ народовъ и много баснословныхъ о нихъ разсказовъ, которые вѣроятно были распространены между тогдашними греками.

Геродотъ, а за нимъ и другіе древніе писатели говорятъ, что первые обитатели Крыма, *Таѳры*, отъ которыхъ и страна получила названіе *Таѳриды*, были народъ дикій, жестокій, поклонявшійся дѣвѣ-богинѣ, столь-же жестокой какъ и онъ самъ. Ужасна была участь греческихъ мореходцевъ, застигнутыхъ бурею у береговъ Чернаго моря; вмѣсто спасенія, котораго они искали въ виду очаровательныхъ береговъ Таѳриды, спѣша къ ея тѣнистымъ лѣсамъ и прозрачнымъ водамъ, они здѣсь находили мучительную смерть; ихъ схватывали, приводили въ храмъ богини, обезглавливали острымъ мечемъ и трепещущее тѣло, съ высокой скалы, сбрасывали въ море; голову жертвы Таѳры втыкали на шестъ, укрѣпленный надъ ихъ жилищами, гдѣ эти кровавые трофеи служили имъ вмѣсто домашнихъ пенатовъ.

Поклоненіе Таѳровъ дѣвѣ-богини, хотя жестокой и кровожадной, допускаетъ предположеніе, что народъ этотъ, — вѣроятно въ честь своей дѣвы богини, — былъ вообще очень милостивъ къ прекрасному полу. И древніе греки, надо думать, знали объ этомъ; иначе Ифигенія, спасаясь во время троянской войны отъ преслѣдованія столь же

жестокой богини своей родины, не могла бы надѣяться найти убѣжище и даже почетъ у кровожадныхъ Тавровъ, среди которыхъ она сдѣлалась жрицею и имѣла возможность, такимъ образомъ, спасти своего брата Ореста и его друга Пилада отъ ужасной смерти, ожидавшей ихъ у Тавровъ. Эта-то трагическая исторія объ Ифигеніи, разыгравшаяся на берегахъ нынѣшней Тавриды и воспѣтая греческимъ трагикомъ Эврипидомъ, послужила сюжетомъ для извѣстныхъ трагедій двухъ знаменитыхъ поэтовъ новаго времени — Расина и Гёте.

Но еще за долго до Троянской войны, вѣроятно вслѣдствіе того же уваженія Тавровъ къ женщинамъ, между ними поселилось какъ разсказываютъ нѣкоторые древніе писатели, вышедшее изъ Азіи племя баснословныхъ и грозныхъ *амазонокъ*, которыя до того ненавидѣли мужчинъ, что, подобно Таврамъ, приносили ихъ въ жертву своей богинѣ, *Діанѣ Таврополитанской*. Амазонки имѣли въ Тавридѣ храмы, построенные въ честь этой богини, въ которыхъ не было жрецовъ, а однѣ только жрицы.

Обѣ кровожадныя богини Тавриды не избавили, однако, ее отъ нашествія народовъ — хотя не столько жестокихъ, какъ ея обитатели, но столько же воинственныхъ и гораздо болѣе ихъ многочисленныхъ. *Скиѳы* нахлынули на Тавриду и, завладѣвъ ея степями, заставили Тавровъ искать спасенія въ горахъ. Сохраняющіяся до сихъ поръ изрытыя въ крымскихъ горахъ пещеры, или криты нѣкоторыми новѣйшими писателями считаются за жилища древнихъ Тавровъ.

Въ VI вѣкѣ до Р. Х. Персы, подъ предводительствомъ Дарія, вошли въ Скиѳію. Въ войскахъ ихъ, во время этаго неудачнаго похода, находилось, какъ извѣстно, много Грековъ. Познакомившись хорошо съ берегами Тавриды, эти Греки вознамѣрились устроить тутъ свои колоніи. Черезъ нѣсколько лѣтъ, во время возстанія Грековъ противъ персидскаго царя, нѣкоторые изъ нихъ, родомъ изъ Милета, пришли въ Тавриду и поселились здѣсь, въ мѣстахъ, которыя казались имъ болѣе удобными для торговли, — по свойственному древнимъ Грекамъ духу торговой дѣятельности. Выборъ ихъ палъ впервые на Керченскій полуостровъ и смежные съ нимъ мѣстности, отличавшіяся необыкновеннымъ плодородіемъ. Враждуя вначалѣ постоянно то съ Скиѳами, то съ Таврами, то съ

другими ордами дикихъ народовъ, часто нападавшихъ на Крымъ, Греки-милетцы успѣли однако, основать въ Тавридѣ знаменитые впослѣдствіи портовые города: *Пантикапею*, *Ѳеодосію*, *Мирмикіонъ*, *Нимфеонъ* и другіе, славившіеся своею необыкновенною торговою дѣятельностью и богатствомъ жителей, о которыхъ можно судить по найденнымъ и находимымъ еще и теперь, на мѣстахъ этихъ городовъ, богатымъ остаткамъ древности.

Необыкновенно быстрое возрастаніе и успѣхъ новыхъ колоній, сдѣлавшихся складочными мѣстами для торговли Эллиновъ съ тѣми народами, которыхъ они называли варварами, вызвали въ Крымъ и другихъ греческихъ переселенцевъ. Явились выходцы изъ Иракліи и выбрали для поселенія небольшой полуостровъ, на западномъ берегу Крыма (получившій съ тѣхъ поръ у древнихъ географовъ названіе *Ираклійскаго* или *Трахейскаго* — каменистаго — или *Херсонесскаго* полуострова). Основанная здѣсь этими новыми греческими выходцами колонія, *Херсонесъ*, скоро превратилась, по своему богатству и торговлѣ, въ славную греческую республику на берегахъ Тавриды.

Впослѣдствіи, распространяя все далѣе и далѣе свои владѣнія по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, Греки заняли въ Тавридѣ почти всѣ удобныя для торговли мѣстности и основали еще много другихъ городовъ, какъ напр. *Авинеонъ* (*впослѣдствіи Сугдея*, нынѣ *Судакъ*), *Лампасъ* (на мѣстѣ нын. татарскихъ дер. *Кучукъ* и *Еуюкъ Ламбатъ*), *Парѳенитъ*, *Символонъ* и проч. Изъ этихъ городовъ греки, по всей вѣроятности, вытѣсняли Тавровъ, а потомъ Таврскиѳовъ, — когда эти два народа слились въ одно.

Сосѣдство просвѣщенныхъ Эллиновъ и постоянныя съ ними сношенія имѣли, конечно, благотворное вліяніе на дикихъ Скиѳовъ, которые также начали строить во внутренности полуострова укрѣпленные города и жить на манеръ Грековъ, выбивать монету, находимую еще и понынѣ съ именами скиѳскихъ царей и пр. Изъ кочующихъ варваровъ, какими ихъ знали Греки, Скиѳы становились народомъ менѣе варварскимъ, дѣлались осѣдлыми и мало по малу сливаясь съ Греками, пріобщались къ Эллинской цивилизаціи.

Поселеніе Грековъ-милетцевъ, основанныя на берегу Босфора Кимерійскаго, или Керченскаго пролива и по берегамъ Азовскаго моря, образовали изъ себя союзную республику, столицею которой была *Пантикапея*,

(называвшаяся также *Босфоромъ*, по имени пролива, на которомъ была основана). Эта республика превратилась потомъ въ *Босфорское царство*, имѣвшее цѣлый рядъ своихъ независимыхъ царей, которые, какъ полагаютъ, были скиѳскаго происхожденія.

Босфорское царство и республика херсонесцевъ, основанныя въ Крыму древними Греками, играли не маловажную роль въ судьбахъ греко-римскаго міра и извѣстны въ исторіи по тѣмъ превратностямъ своей исторической судьбы, которая ихъ постигла въ позднѣйшія эпохи.

Главнѣйшій нервъ жизненной дѣятельности эллинскихъ колоній въ Тавридѣ составляла торговля, въ которой они сдѣлались посредниками между варварскими странами и Элладой. Черное и Азовское море съ ихъ главнѣйшими притоками: *Танаисомъ* (Дономъ), *Борисѳеномъ* (Днѣпромъ), и *Истромъ* (Дунаемъ) составляли естественные пути этой торговли. Какъ видно, эти важныя торговыя пути уже хорошо были знакомы Грекамъ въ ту отдаленную эпоху. Торговля эллинскихъ колоній въ Крыму съ варварами и съ Греціей была такъ прибыльна и шла такъ успѣшно, что Греки изъ „негостепріимнаго“, какъ называлось прежде Черное море, переименовали его въ „гостепріимное“, и съ тѣхъ поръ, у всѣхъ древнихъ, за Чернымъ моремъ осталось названіе *Понта Эвксинскаго*. Главными предметами торговли были здѣсь въ то время, какъ и теперь еще: хлѣбъ, шерсть, соль, затѣмъ соленая рыба, мѣха и, кажется, торговля невольниками. Хлѣбной торговлей славилась особенно Ѳеодосія, которую называли житницей Эллады.

Три вѣка слишкомъ, т. е. до того времени, пока вся Греція не была покорена Римлянами, эллинскія колоніи въ Крыму жили самою цвѣтущею и богатою жизнью, какую только могутъ доставить извѣстному народу его смѣлая предпріимчивость, свобода учрежденій и обширная торговая дѣятельность.

Колоніи эти продолжали процвѣтать, не смотря на частые набѣги Таврскиѳовъ. Чтобы защитить свои владѣнія отъ этихъ народовъ, у херсонесцевъ и у босфорцевъ устроены были вокругъ нихъ окружныя стѣны; а у босфорцевъ былъ еще выкопанъ глубокій ровъ, который шелъ отъ ихъ владѣній на югъ, до самыхъ горъ.

Но, какъ видно, такой защиты отъ варваровъ оказалось не достаточно, потому что и херсонесцы и босфорцы сами призвали къ себѣ въ защиту отъ Скиѳовъ понтійскаго царя Митридата-Эвпатора, полководцы котораго, Діофантъ и Неоптоломъ, посланные въ Крымъ, разбили и прогнали Скиѳовъ отъ греческихъ населеній. Но въ тоже время и таврическія колоніи Грековъ они обратили въ провинцію Понтійскаго царства. Митридатъ отдалъ ихъ въ удѣлъ сыну своему Махиресу. Извѣстны превратности счастья, которыя постигли Митридата, — эту, во всякомъ случаѣ, замѣчательную личность древняго міра. Его отважное предпріятіе — черезъ скиѳскія степи, черезъ Крымъ и югъ Россіи, черезъ Германію и Альпы пробиться въ Италію и овладѣть Римомъ — не удалось какъ извѣстно. Греція и всѣ владѣнія самаго Митридата, вмѣстѣ съ Крымомъ, перешли къ Римлянамъ. Но трудность защищать Крымъ отъ частыхъ наплывовъ варваровъ заставила Римлянъ уступить Босфорское царство сыну Митридата, измѣннику Фарнаку, который однако былъ царемъ только по имени и зависѣлъ отъ капризовъ римскихъ военачальниковъ.

Херсонесъ, равно какъ и всѣ остальныя греческія колоніи въ Крыму, были присоединены къ Босфорскому царству; но императоръ Траянъ далъ ему автономію, предоставивъ себѣ одну только верховную власть. Незадолго до поступленія херсонесцевъ подъ власть Римлянъ они перенесли свой городъ, неизвѣстно по какой причинѣ, къ сѣверо-востоку отъ стараго Херсонеса, — гораздо ближе къ мѣсту, гдѣ стоитъ нынѣшній Севастополь. Въ этомъ-то новомъ Херсонесѣ, извѣстномъ въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *Корсуня*, вел. кн. Владиміръ принялъ святое крещеніе. Замѣтимъ здѣсь, что христіанство стало распространяться въ Крыму еще въ I вѣкѣ, и по церковному преданію, первымъ проповѣдникомъ его въ Херсонесѣ былъ св. апостолъ Андрей Первозванный.

Паденіе Греціи имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу эллинскихъ колоній въ Крыму. Съ тѣхъ поръ, какъ Римъ сдѣлался столицею тогдашняго цивилизованнаго міра, торговыя сношенія Европы съ Востокомъ измѣнились: Аѳрика, Египетъ, Сицилія стали теперь снабжать Европу хлѣбомъ, и крымскія колоніи Грековъ, державшіяся, главнымъ образомъ, хлѣбной торговлей, утратили свое значеніе. Послѣ раздѣленія римской имперіи на

восточную и западную, онѣ перешли къ Византіи и въ большей или меньшей степени раздѣляли общую съ нею историческую участь.

Съ перваго вѣка христіанской эры начинается рядъ великихъ политическихъ переворотовъ, которые совершенно измѣняютъ прежній характеръ исторіи Европы. Тутъ происходитъ такъ называемое великое переселеніе народовъ, когда изъ глубины Азіи двинулись на Европу, вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, многочисленныя орды различныхъ дикихъ народовъ, которые наводняли европейскія страны послѣдовательно втеченіи десяти вѣковъ и болѣе. Крымскій полуостровъ, стоящій на окраинѣ того пространства, которое изъ средины Азіи врывается въ Европу, лежалъ на пути всѣмъ этимъ народамъ при ихъ переселеніяхъ, и потому не могъ не подвергаться ихъ нападеніямъ. Одни изъ этихъ дикихъ азіятскихъ пришелцевъ только останавливались временно на полуостровѣ при своихъ переходахъ съ мѣста на мѣсто; другіе же селились на немъ на болѣе или менѣе продолжительное время, пока не были вытѣсняемы новыми пришельцами; но въ томъ и другомъ случаѣ они опустошали своими постоянными набѣгами богатые приморскіе города Грековъ, жгли ихъ, грабили, убивали жителей, уводили ихъ въ неволю, или же брали съ нихъ тяжелую дань. Десять вѣковъ слишкомъ Крымъ терпѣлъ отъ постоянныхъ набѣговъ на его города и села разныхъ дикихъ кочующихъ народовъ, большая часть которыхъ, кромѣ названій своихъ, занесенныхъ на страницы исторіи кровавыми буквами, не оставили никакихъ другихъ слѣдовъ своего временнаго существованія, какъ напр. Алланы, Гунны и др.

Аллины, народъ кочующій, нахлынули на Крымъ въ 63 году нашей эры, разорили Херсонесъ, разрушили до основанія Ѳеодосію, которая захотѣла имъ сопротивляться и нападали даже на Тавро-скиѳовъ въ ихъ неприступныхъ горахъ. Кратковременное, но ужасное владычество Алланов въ Крыму, длившееся, однако, около цѣлаго столѣтія, прекратили *Готѳы*, народъ столь-же воинственный, какъ и Алланы, но не столько дикій и жестокій. Готѳы, покоривъ Алланов, принудили ихъ оставить грабежи и кочующую жизнь и привыкнуть къ осѣдлой жизни. Немногочисленное племя Тавро-скиѳовъ, видя миролюбіе новыхъ побѣдителей, присоединилось къ нимъ.

Готѳы были единственный пришлый народъ, успокоившій на время несчастную Тавриду. Защитивъ Таврo-скиѳовъ, они внесли съ собою міръ и трудолюбіе на полуостровъ, занялись хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, винодѣльемъ; они умѣли ужиться со всѣми, населявшими Крымъ народами. Около этаго времени христіанство распространяется какъ между Греками, такъ и между Готѳами.

Жителямъ Тавриды не суждено было, однако, долго пользоваться благами, которыми природа надѣлила ихъ страну. Торговля еще продолжала держаться въ приморскихъ городахъ, населенныхъ Греками; гористая часть, занятая Готѳами, процвѣтала хлѣбопашествомъ и винодѣльемъ; но безпрерывные войны съ варварами не давали имъ покойно наслаждаться плодами трудовъ своихъ.

Появленіе на полуостровѣ, около 376 г., новаго дикаго племени, *Гунновъ*, внесло съ собою новыя страшныя опустошенія и разореніе его жителей. Гунны, съ мечемъ, и огнемъ, прошлись по полуострову отъ Босфора Киммерійскаго до Херсонеса. Босфорское царство было ими уничтожено; богатая Пантикапея и другіе города были разрушены до основанія этими дикими народами, которые глядѣли на дома жителей, какъ на гробы, по выраженію Прокопія, византійскаго писателя VI. вѣка.

Къ счастью, Гунны, какъ нахлынули на Крымъ волной, такъ и отхлынули скоро съ полуострова, оставивъ по себѣ слѣды печальныхъ разрушеній.

За Гуннами слѣдовали *Угры*, или *Венры*, новые разорители края.

Императоръ Юстиніанъ, желая защитить подвластныхъ ему народовъ въ Крыму, приказалъ построить замки и крѣпкія стѣны, долженствовавшіе служить оплотомъ отъ набѣговъ варваровъ. Со стороны моря были построены имъ два крѣпкіе замка: *Алустонъ* и *Гурзубита*. Для защиты Готѳовъ, которые не любили жить въ крѣпостяхъ и даже укрѣпленныхъ городахъ и предпочитали жизнь сельскую, онъ приказалъ запереть всѣ входы въ ихъ долины длинными и прочными стѣнами, съ прорѣзанными въ нихъ башнями. Такимъ образомъ. миролюбивые Готѳы были закрыты со стороны степей. Слѣды этихъ юстиніановскихъ стѣнъ видны еще и донынѣ,

Таврида отдохнула на нѣкоторое время отъ варварскихъ раззореній; но спокойствіе это было непродолжительно. Въ концѣ VII. вѣка весь Крымъ былъ покоренъ потомками Гунновъ, *Хазарами*. Могущество этаго народа такъ усилилось уже въ слѣдующемъ вѣкѣ, что онъ образовалъ изъ себя сильную монархію, и Крымъ довольно долго, по имени Хазаръ, назывался *Хазаріею*.

Греки не смотря на частыя набѣги варваровъ и на раззореніе городовъ, такъ или иначе защищались отъ нихъ то оружіемъ, то платя дань золотомъ, и скоро снова возстановляли разрушенное. Городъ *Судая* (Судакъ), уже въ III. вѣкѣ имѣвшій своего епископа, постоянно усиливалъ свою торговую дѣятельность и началъ соперничать съ Херсонесомъ, который былъ въ то время сильно раззоренъ эксъ-императоромъ Юстиніяномъ II, сосланнымъ въ Крымъ и проживавшимъ въ Херсонесѣ. Онъ мстилъ херсонесцамъ за попытку умертвить его.

Во время могущества Хазаръ, на Крымъ стали нападать *Русскіе* и *Печенѣги*. Хазары искали помощи у византійскихъ императоровъ; но, вслѣдствіе безпрерывныхъ нападеній и внутренней неурядицы, ихъ владычество начало быстро падать и наконецъ владѣнія Хазаръ были присоединены къ Византійской имперіи.

Въ концѣ X вѣка Русскіе, подъ предводительствомъ в. кн. Владиміра, вошли въ Крымъ и осадили Херсонесъ. Осада была трудна и продолжительна; но русскимъ удалось взять этотъ городъ, посредствомъ измѣны одного монаха, указавшаго имъ мѣсто источника, откуда въ городъ была проведена вода. Русскіе отвели воду, — и городъ долженъ былъ сдаться. Мы уже упоминали, что Владиміръ, овладѣвъ Херсонесомъ, принялъ въ немъ крещеніе и женился на христіанской княжнѣ, родственницѣ византійскаго императора, которому и возвратилъ Херсонесъ — „ради царицы“, какъ сказано въ русскихъ лѣтописяхъ.

Херсонесъ не могъ уже, однако, возстановить, послѣ этаго событія, своего прежняго благосостоянія и славы. Вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и варварскихъ раззореній, втеченіе цѣлаго ряда вѣковъ, торговое значеніе его уменьшалось и онъ постепенно приходилъ въ упадокъ.

Владычество Хазаръ было смѣнено кратковременнымъ обладаніемъ края *Команами*, или *Половцами*.

народомъ воинственнымъ, тюркскаго происхожденія, вышедшимъ также изъ глубины Азіи. Но Команы, въ свою очередь, въ половинѣ XIII вѣка, были изгнаны изъ Крыма новыми побѣдителями — *Татарами*.

Съ изгнаніемъ Кумановъ, прекращаются эти временные набѣги на Крымъ дикихъ ордъ различныхъ варварскихъ народовъ, опустошавшихъ страну отъ одного конца до другаго втеченіе столькихъ вѣковъ. Татары, завладѣвъ полуостровомъ, обложили данью его обитателей, но уже не разоряли ихъ городовъ и селъ. Они сдѣлались владѣтелями Крыма во время Батыя, который избралъ своею столицею городъ *Солгатъ*, или *Солхатъ* называемый татарами *Эски-Крымъ*, или Старый-Крымъ. Городъ этотъ сталъ однимъ изъ обширнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ городовъ по своему азіятскому великолѣпію и пышности, о которыхъ много говорятъ современные восточные писатели. Батый построилъ въ Солкатѣ дворецъ и чеканилъ здѣсь монету. Эски-Крымъ сдѣлался такъ замѣчателенъ, что отъ него, по всей вѣроятности, и весь полуостровъ получилъ свое нынѣшнее названіе Крыма. По вначалѣ Крымъ зависѣлъ отъ хановъ золотой Кипчакской Орды, которые и назначали правителей въ Солкатъ. Только въ половинѣ XV вѣка, когда пала Кипчакская Орда, образовалось независимое и могущественное Крымское ханство, или Крымско-татарская Орда.

Почти въ одно время съ Татарами утвердился на Крымскомъ полуостровѣ и другой уже европейскій народъ — *Итальянцы*. И съ ихъ водвореніемъ Крымъ снова пріобрѣтаетъ ту знаменитость и славу, которою онъ пользовался во времена древнихъ Эллиновъ. Онъ снова сдѣлался главнымъ пунктомъ торговыхъ сношеній Европы съ восточными странами и снова появились въ немъ богатые и цвѣтущіе города.

Венеціянская республика, эта „гордая царица Адріатики“, какъ ее называли во дни ея могущества и славы, уже послѣ перваго крестоваго похода успѣла открыть себѣ путь въ Черное и Азовское море, гдѣ на развалинахъ древне греческаго *Таниса*, основала свое торговое населеніе *Тану*, и стала посѣщать всѣ существовавшіе тогда на этихъ моряхъ порты и производить въ нихъ торговлю. Скоро вся богатая торговля Чернаго и Азовскаго морей находилась въ рукахъ венеціанцевъ. Генуэзская республика, постоянная соперница Венеціи, не могла смот-

рѣть безъ зависти на этотъ успѣхъ венеціанской торговли. Генуэзцы помогли императорамъ Палеологамъ взойти опять на престолъ, отнятый у нихъ латинянами, и черезъ это получили отъ нихъ право исключительнаго плаванія и торговли на Черномъ морѣ. Извѣстно, что генуэзцамъ уступлено было въ это время предмѣстье Константинополя *Галата*, гдѣ они основали свои знаменитыя торговыя факторіи. Такія же факторіи скоро появились у нихъ и въ Крыму. Въ первой половинѣ XIII вѣка они успѣли пріобрѣсть на крымскомъ берегу небольшой клочекъ земли и, утвердившись на немъ, — именно на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла древнегреческая Ѳеодосія, — основали здѣсь свою знаменитую *Кафу*, которая, въ скоромъ времени, доставила имъ полное обладаніе Чернымъ моремъ и его торговлей.

Мы совершенно справедливо сказали выше, что съ водвореніемъ Генуэзцевъ въ Крыму снова повторилась та блестящая эпоха его исторіи, которую эта страна пережила во времена существованія въ ней эллинскихъ колоній. Скоро Кафа генуэзская, по своей обширности, народонаселенію и богатству, сдѣлалась соперницею Константинополя. Генуэзцы, утвердившись въ Кафѣ, скоро отняли у грековъ Сугдайю, которая и до нихъ была важнымъ торговымъ мѣстомъ въ Крыму, завладѣли Керчью, Балаклавой и всѣмъ южнымъ берегомъ Крыма, проникли въ Азовское море, основали факторію въ Колхидѣ и по кавказскому берегу, и генуэзскія колоніи на Черномъ морѣ, центромъ которыхъ была Кафа, сдѣлались скоро знаменитыми и пріобрѣли всемірную извѣстность. Онѣ стали главнымъ складочнымъ мѣстомъ всей торговли Европы съ Россіей, малой Азіей, Персіей и Индіей. Болѣе двухъ сотъ лѣтъ эта кипучая торговая дѣятельность развивалась съ блестящимъ успѣхомъ во всѣхъ Черноморскихъ колоніяхъ генуэзцевъ, обогащая и доставляя благосостояніе жителямъ. О богатствѣ, обширности и красотѣ городовъ, построенныхъ генуэзцами въ Крыму, особенно же Кафы, можно судить по тѣмъ грандіознымъ и вмѣстѣ грустнымъ развалинамъ, которыя видятся еще и донынѣ въ Ѳеодосіи, Судакѣ и въ другихъ мѣстахъ Крыма.

Но и этому славному владычеству генуэзцевъ на Черномъ морѣ также скоро наступилъ конецъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конецъ новымъ блестящимъ страницамъ въ исторіи Крыма.

Инвент. №

Въ 1453 году Византія была покорена турками, и это важное міровое событіе приблизило катастрофу, постигшую владѣнія итальянцевъ въ Крыму. Въ 1475 году, татары, недовольные генуэзцами за ихъ покровительство хану Менгли Гирею, противъ котораго они возстали, осадили Кафу, и такъ какъ осада шла безуспѣшно, то татары призвали на помощь турокъ, обѣщая имъ богатую добычу въ завладѣніи Кафой. Турки не заставили себя ожидать; флотъ ихъ явился подъ стѣнами Кафы и послѣ нѣсколькихъ дней осады, итальянцы вынуждены были сдаться. 6го Іюня 1475 года Кафа сдалась безусловно, расчитывая на великодушіе побѣдителей. Но турки, войдя въ городъ, разграбили его и перебили большую часть его жителей и временно проживавшихъ въ немъ купцовъ разныхъ націй, между которыми находились: русскіе, валахи, черкесы и др. Все населеніе Кафы во время покоренія ея турками, по современнымъ извѣстіямъ, простиралось до 70,000.

За Кафою пали Сугдаія, Чембала и другія мѣста въ Крыму, принадлежавшія генуэзцамъ. Во всѣхъ ихъ городахъ и крѣпостяхъ, разграбленныхъ турками, помѣщены были турецкіе гарнизоны.

Послѣ этого страшнаго уничтоженія зачатковъ итальянской цивилизаціи на Черномъ морѣ, турки твердою ногою утвердились въ Крыму. Крымскіе ханы, происходившіе изъ династіи *гиреевъ*, потомковъ Чингисъ-хана, и бывшіе дотолѣ независимыми, сдѣлались вассалами Порты. По произволу турецкаго султана, ихъ смѣняли, душили, посылали въ ссылку. Часто случалось, что одинъ и тотъ же ханъ по нѣсколько разъ возвращался на ханство и подъ конецъ все таки или бывалъ сосланъ въ Родосъ (обыкновенное мѣсто ссылки крымскихъ хановъ) или же удавленъ.

Не смотря на то, что Крымскіе ханы назывались царями и султанами, они тѣмъ не менѣе, можно сказать, были скорѣе атаманами огромныхъ разбойничьихъ шаекъ, нежели правителями благоустроеннаго государства, въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

По изгнаніи итальянцевъ изъ Чернаго моря, Кафа продолжала свое существованіе еще и при туркахъ, переименовавшихъ ее въ *Кефе*; они давали ей даже названіе „малаго Стамбула“. Кефе была еще довольно значительно населена, но торговое значеніе ея было уже далеко не то, что при генуэзцахъ. Въ ней, какъ и въ *Гезлеве*

(Козловъ у Русскихъ, нынѣ Евпаторія), Карасубазарѣ и др. торговля пріобрѣла чисто восточный характеръ. Главнымъ торговымъ населеніемъ этихъ городовъ были армяне, греки и евреи-караимы, частью же сами турки и татары, такъ что вокругъ этихъ городовъ Крыма сгруппировалось теперь все торговое и промышленное населеніе края. Въ Бахчисараѣ же, новой столицѣ крымскихъ хановъ, жили большею частію мурзы татарскіе, т. е. богачи и вельможи и придворные хана. Оттуда шли повелѣнія къ военнымъ сборамъ, оттуда стремились лихіе татарскіе наѣздники на войну и добычу. Только малое число татаръ, подвластныхъ крымскимъ ханамъ, успѣло привыкнуть къ земледѣлію и осѣдлой жизни; большая часть ихъ кочевала въ степяхъ, подъ именемъ „ногайской орды“; но какъ ногайцы, такъ и собственно Крымцы жили болѣе или менѣе войной, или лучше сказать, грабежемъ. Война ихъ кормила, война обогащала. „Земля наша войной живетъ“ говорили обыкновенно сами о себѣ татары. Хотя тѣ изъ татаръ, которые усѣлись въ городахъ, и занимались промышленностью и ремеслами, но промышленность эта не шла, какъ кажется, далѣе чиненія кожъ и т. п. мелкихъ промысловъ, приготовленія и продажи сѣделъ, татарской обуви, бурокъ, войлоковъ и т. д. Обращики этихъ татарскихъ промысловъ мы можемъ видѣть еще и теперь въ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ.

Продажа невольниковъ составляла главный предметъ торговли татаръ. Дѣлая опустошительные набѣги на материкъ, они пригоняли тысячи плѣнныхъ и продавали ихъ на базарахъ Салката и Кафы. Татары безпрестанно находили предлоги къ войнѣ, т. е. къ набѣгамъ, и наводняли то Польшу, то Россію, то земли Казаковъ — донскихъ и запорожскихъ. Казачьи общины были поэтому самыми заклятыми врагами „невѣрныхъ“, — какъ татаръ, такъ и турокъ. И никто такъ знатно не отплачивалъ татарамъ за ихъ злые набѣги, какъ запорожцы, которые въ свою очередь, дѣлая набѣги на владѣнія татаръ и турокъ, ходили къ нимъ то черезъ свои необозримыя степи, то водою, на своихъ „байдакахъ“. Запорожцы грабили не разъ турецкіе и татарскіе города, угрожали самому Константинополю, бывали въ Бахчисараѣ, въ Трапезундѣ, Варнѣ и др., жгли эти города и села, грабили, убивали жителей, и возвращались въ свою *Сѣчь*, за днѣпровскіе пороги, съ награбленнымъ добромъ.

Земледѣльческое же, промышленное и ремесленное населеніе крымскихъ селъ и городовъ почти исключительно составляли: греки, армяне, евреи, и дань, которую съ нихъ взымали Крымцы, была главнымъ доходомъ ханской казны.

Около того времени, когда усилилась крымская орда, Русь едва только освободилась изъ-подъ монгольскаго ига. Съ паденіемъ Золотой Кипчакской орды, Московское государство начинало только устраиваться и приходить въ силу, но частые набѣги крымцевъ, слѣды опустошенія, которые они оставляли каждый разъ въ русскихъ селахъ и городахъ, разореніе и уводъ въ плѣнъ жителей служили однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій для внутренняго развитія и устройства Русской земли. Русскія лѣтописи наполнены печальными разсказами о набѣгахъ крымскихъ татаръ на Русь и о тѣхъ жестокихъ опустошеніяхъ, которыя она претерпѣвала отъ этихъ набѣговъ. Сама Москва не была безопасна отъ крымцевъ: они не разъ подходили къ ея стѣнамъ и однажды (въ 1592 году) выжгли всѣ московскіе посады. Такимъ образомъ Московское царство имѣло въ крымской ордѣ не только безпокойнаго сосѣда, но и врага самаго и опаснаго неукротимаго, который ежеминутно угрожалъ его спокойствію и развитію. Правители русскіе принимали всѣ мѣры къ предотвращенію набѣговъ крымцевъ: водили дружбу съ крымскими ханами, постоянно сносились съ ними посредствомъ пословъ своихъ, посылали ханамъ и всѣмъ ихъ приближеннымъ, почти ежегодно, богатые дары. Но все это мало помогало дѣлу. Крымцы не прекращали своихъ набѣговъ на русскія земли, растянутость которыхъ и близкое сосѣдство съ степями татарскихъ кочевниковъ служили для русскихъ того времени неодолимымъ препятствіемъ къ охраненію своихъ предѣловъ отъ злыхъ нападеній татаръ. Потому, рано или поздно, русское государство, войдя въ силу, должно было укротить своего вѣчнаго врага-сосѣда и должно было отнять у него всякую возможность опустошать земли русскія.

Съ XIV по XVIII столѣтіе русскіе только защищались отъ нападеній татаръ; но тутъ они уже начали сами наступать на крымцевъ, на ихъ собственной землѣ и стали предпринимать походы въ Крымъ.

Во время правленія царевны Софіи, войска московскія подъ предводительствомъ князя Голицына,

любимца царевны, первый разъ явились въ Крыму. Но оба крымскіе похода Голицына были неудачны. Въ виды Петра Великаго входило, какъ извѣстно, положительное намѣреніе овладѣть Крымомъ; но неудача его на Прутѣ отвлекла его потомъ отъ выполненія этаго намѣренія. При преемникахъ Петра, его планъ — сокрушить Крымское ханство и овладѣть полуостровомъ — не былъ однако оставленъ. При императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, во время войны съ Турціей, русскія войска, подъ предводительствомъ фельдмаршала Миниха, вошли въ Крымъ, овладѣли Перекопомъ и, подвигаясь въ глубь полуострова, овладѣли Козловомъ, Бахчисараемъ, Акмечетью и Карасубазаромъ. Козловъ былъ разграбленъ, а остальные города, вмѣстѣ съ столицею хановъ, были выжжены русскими войсками и обращены въ кучу пепла и развалинъ. Сильные жары заставили однако Миниха вывести на этотъ разъ войска свои изъ Крыма.

Наконецъ, въ царствованіе Екатерины II, во время первой войны съ Турками, послѣдовало новое нападеніе Русскихъ на Крымцевъ, какъ на союзниковъ султана. Въ 1797 году князь Долгорукій пришелъ въ Крымъ съ русскими войсками и завладѣлъ всѣмъ полуостровомъ, за что и названъ Долгоруковымъ-Крымскимъ. Алимъ-Гирей, бывшій въ это время ханомъ въ Крыму, бѣжалъ. На ханство былъ возведенъ, при помощи русскаго вліянія, Шагинъ-Гирей, преданный Россіи, по желанію которой онъ объявилъ себя независимымъ отъ Порты. При этомъ онъ уступилъ русскимъ города: Керчь, Азовъ и Еникале, которые и были заняты русскими войсками, и тогда русскій флотъ впервые появился въ Черномъ морѣ.

Татары негодовали на Шагинъ-Гирея за его приверженность къ Россіи, особенно же за его попытки вводить у себя разныя преобразованія на европейскій манеръ, организовать постоянное войско и пр. Недовольствіе и ропотъ татаръ скоро превратились въ открытое возмущеніе противъ хана. Россія, чутко прислушиваясь ко всему, что происходило у татаръ, двинула опять войска свои на полуостровъ, которые разбили возмутившихся татаръ подъ Бахчисараемъ, овладѣли Кафой и снова утвердили Шагинъ-Гирея на ханство. Но уже послѣдній часъ существованія Крымскаго ханства наступилъ. Вскорѣ по выходѣ русскихъ войскъ изъ Крыма, татары снова

возмутились противъ Шагинъ Гирея. Потемкинъ вступилъ опять съ русскими войсками на полуостровъ, и на этотъ разъ убѣдилъ Шагинъ Гирея отречься отъ ханскаго престола и уступить владѣнія свои Екатеринѣ II, что тотъ и сдѣлалъ. Потемкинъ получилъ за это титулъ „князя Таврическаго."

Такъ пало могущественное нѣкогда, державшее въ постоянномъ страхѣ сосѣдей своихъ, Крымское ханство, и Таврида вмѣстѣ съ другими землями, считавшимися во владѣніи крымскихъ хановъ, въ 1783 году была присоединена къ Россіи.

Шагинъ-Гирей увезенъ былъ въ Калугу; жилъ потомъ въ Петербургѣ; ему назначена была отъ русскаго правительства пенсія. Но онъ недолго оставался въ Россіи и скоро отправился въ Константинополь, гдѣ надѣялся спокойно окончить жизнь; но у турокъ онъ подвергся обычной участи крымскихъ хановъ, т. е. былъ удавленъ.

Разнообразное, разнохарактерное населеніе Крыма, составившееся вслѣдствіе прилива на полуостровъ различныхъ народностей, втеченіе длиннаго періода его предъидущей исторіи, послѣ присоединенія его къ державѣ Екатерины II, увеличилось еще русскимъ элементомъ. И нынѣшнее населеніе Крыма представляетъ самую пеструю картину различныхъ національностей, племенъ, языковъ и различныхъ вѣроисповѣданій.

Съ водвореніемъ въ Крыму татаръ, они конечно составляли преобладающій элементъ въ населеніи полуострова, особенно же въ населеніи степей, гдѣ, до прихода русскихъ и другихъ колонистовъ, улусы татаръ-нагайцевъ были единственными человѣческими обиталищами. Слѣдственно, въ степныхъ татарахъ чистый типъ татарской расы сохранялся безо всякой примѣси. Не то было въ гористой части полуострова и по морскому прибрежью, издавна очень густо населенныхъ греками, готѳами, а потомъ генуэзцами.

Греки и другіе горскіе жители оставались на своихъ мѣстахъ и при татарахъ, тѣмъ болѣе, что въ первое время татарскаго владычества въ Крыму, татары не селились сами въ горахъ, отличались вѣротерпимостью и

только брали дань съ подвластныхъ имъ грековъ и другихъ народовъ. Послѣ паденія Кафы и другихъ генуэзскихъ поселеній въ Крыму, часть генуэзцевъ скрылась въ горы и впослѣдствіи слилась тамъ съ прочимъ горскимъ населеніемъ. Когда же мусульманство проникло къ крымскимъ татарамъ (полагаютъ въ началѣ XIV вѣка) и особенно когда турки завладѣли южнымъ берегомъ, то, движимые мусульманскимъ прозелитизмомъ, они большее число жителей горъ и южнаго берега обратили въ магометанство. Потому, нынѣшніе горскіе татары и татары южнаго берега, какъ замѣчено почти всѣми путешествовавшими въ Крыму, по типическимъ чертамъ лица, по нѣкоторымъ понятіямъ и привычкамъ въ образѣ жизни, рѣзко отличаются отъ степныхъ татаръ, у которыхъ, какъ мы сказали, монгольскій типъ сохранился во всей его чистотѣ.

Горскіе татары, какъ мужчины, такъ и женщины болѣе или менѣе стройны, средняго роста, быстры въ движеніяхъ; къ тому-же, въ нравственномъ отношеніи, они развитѣе степныхъ татаръ: привѣтливы, гостепріимны. Всѣ эти черты скорѣе напоминаютъ потомковъ эллиновъ, — какими и считаютъ татаръ южнаго берега Крыма, — чѣмъ потомковъ монгольскихъ выходцевъ изъ средней Азіи. Кромѣ того есть много признаковъ, ясно указывающихъ на то, что предки нынѣшнихъ горскихъ татаръ въ Крыму были христіане. Самый языкъ ихъ до того отличается отъ языка степныхъ татаръ, что они другъ друга мало понимаютъ. Типъ же степныхъ татаръ, — это извѣстный, некрасивый монгольскій типъ, характеристическіе черты котораго — выдавшіяся скулы и узкіе глаза. Нравы степныхъ татаръ и образъ жизни ихъ гораздо грубѣе, нежели у горскихъ, и насколько послѣдніе чистоплотны, на столько тѣ грязны и неряшливы.

Татарское населеніе Крыма въ прежнее время было очень значительно. Ханы, при своихъ войнахъ и набѣгахъ, могли подымать 200,000 людей, способныхъ носить оружіе. Во время присоединенія Крыма къ русской державѣ, многіе изъ татаръ выселились въ Турцію. Новое выселеніе татаръ въ Турцію совершилось, какъ извѣстно, въ 1861[мъ] году, вскорѣ послѣ крымской войны. Все это въ значительной степени уменьшило татарское населеніе Крыма, такъ что оно, по офиціяльнымъ даннымъ, теперь не превышаетъ 100,000 душъ обоего пола. Сплошное

татарское населеніе встрѣчается теперь только въ гористой части Крыма, гдѣ весьма немного не татарскихъ деревень; а изъ городовъ, татары населяютъ преимущественно: Бахчисарай, Карасубазаръ, Евпаторію, Симферополь, Ѳеодосію и Ялту.

Къ древнѣйшему населенію Крымскаго полуострова, кромѣ татаръ, принадлежатъ еще: *греки*, *армяне*, и *евреи*.

Армяне и Евреи живутъ почти исключительно въ городахъ, а *греки* населены и въ нѣкоторыхъ деревняхъ горной части Крыма, которая вмѣстѣ съ прибрежьемъ принадлежала грекамъ втеченіи столькихъ столѣтій, и была нѣкогда густо заселена ими. Множество развалинъ греческихъ церквей, находимыхъ повсюду въ Крымскихъ горахъ, служитъ тому яснымъ доказательствомъ. Мы сказали выше, что часть грековъ, жившихъ въ горахъ, обращена была въ мусульманство. Изъ оставшихся затѣмъ грековъ въ Крыму, большая часть вмѣстѣ съ Армянами (въ числѣ, болѣе 30,000), была выселена въ нынѣшнюю екатеринославскую губернію, гдѣ эти переселенцы составили „Маріупольскій греческій округъ“ и новымъ населеніямъ своимъ дали названія прежнихъ, существующихъ и теперь въ Крыму. Такъ тамъ есть деревни: *Ялта*, *Гурзуфъ*, *Ласпи* и др. Переселеніе это совершилось при послѣднемъ ханѣ Шагинъ-Гирсѣ, по желанію русскаго правительства.

Сплошное греческое населеніе встрѣчается теперь только въ Балаклавѣ и въ принадлежащихъ къ ея округу восьми деревняхъ. Но это греки архипелажскіе, переселенные въ Крымъ уже послѣ присоединенія его къ Россіи. Остальные греки, т. е. большее число ихъ, живутъ теперь въ городахъ. Всего же считается теперь грековъ на полуостровѣ около 13,000.

Армяне принадлежатъ также къ древнимъ жителямъ Крыма. Полагаютъ, что армяне пришли въ Крымъ еще въ XIII вѣкѣ и что нынѣшніе крымскіе армяне потомки тѣхъ, которые выселены были изъ Арменіи, послѣ завоеванія ея татарами въ 1261 году. Потомъ они переселились въ Крымъ, съ согласія генуэзцевъ, и водворились въ Кафѣ, въ Салкатѣ и между Карасубазаромъ и Судакомъ. Въ Кафѣ было нѣкогда богатое армянское населеніе;

армяне имѣли здѣсь своего архіерея и много церквей. Сколько армянъ было выселено въ 1779 году, вмѣстѣ съ греками въ Екатеринославскую губернію (гдѣ они образовали „Нахичевань армянскій округъ") и сколько затѣмъ осталось ихъ въ Крыму, неизвѣстно. Теперь же ихъ считаютъ на полуостровѣ всего до 6000. Они живутъ исключительно въ городахъ.

Нынѣшнее *еврейское* населеніе Крыма составилось какъ изъ остатковъ евреевъ, издревле заходившихъ сюда и утвердившихся во многихъ мѣстахъ полуострова, такъ и изъ евреевъ, водворившихся въ Крыму уже послѣ присоединенія его къ Россіи.

Нѣкоторые думаютъ, что евреи, поселившіеся въ Тавридѣ, пришли сюда еще во времена древнихъ Грековъ. По словамъ нѣкоторыхъ ученыхъ, евреи жили тогда преимущественно въ Босфорскомъ царствѣ; оттуда перешли въ *Старый Крымъ*, *Чуфутъ-Кале*, и *Мангупъ-Кале*. Что евреи жили въ этихъ двухъ послѣднихъ крѣпостяхъ уже въ VI вѣкѣ христіанской эры, это доказывается оставшимися тамъ еврейскими надписями на гробницахъ. Древніе крымскіе евреи принадлежатъ къ сектѣ *караимовъ* или *караитовъ*, которые держатся одной библіи и не признаютъ талмуда. Евреи-талмудисты пришли въ Крымъ уже послѣ его покоренія русскими. Всѣхъ евреевъ считается теперь въ Крыму болѣе 10,000; изъ нихъ караимовъ 3,500. Какъ тѣ, такъ и другіе живутъ преимущественно въ городахъ.

Вотъ главные элементы древняго населенія Крыма, составившагося исторически. Новое заселеніе Крыма началось съ присоединенія его къ Россіи и главный элементъ, которымъ оно увеличилось, былъ конечно русскій. Послѣ русскихъ слѣдуютъ колонисты разныхъ народностей: нѣмцы, болгары, и другіе водворенные здѣсь уже русскимъ правительствомъ. Нѣмцевъ колонистовъ считается на полуостровѣ 5,200, а болгаръ 3,200. Изъ всего населенія крымскаго полуострова, простирающагося теперь до 194,900 д. об. п. половину составляютъ татары, болѣе $^1/_4$ русскіе, остальная затѣмъ цифра населенія распредѣляется между прочими народностями.

Иностранцевъ французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и др. вообще очень немного, большая часть изъ нихъ

живетъ на южномъ берегу, въ качествѣ винодѣловъ, садовниковъ, и пр. А въ городахъ, преимущественно въ Керчи и въ Ѳеодосіи, живетъ небольшое число иностранцевъ по торговымъ дѣламъ.

Послѣдняя крымская война доставила Крыму новую знаменитость и новую всемірную извѣстность. *Алма*, *Никерманъ*, *Черная рѣчка*, *Балаклава*, и наконецъ славный *Севастополь* — все это имена, которыя увѣковѣчитъ исторія и которыя невольно возбуждаютъ въ душѣ каждаго русскаго рядъ грустныхъ и вмѣстѣ величественныхъ воспоминаній. Ни одинъ путешественникъ не пройдетъ мимо этихъ мѣстностей безъ тоскливой думы, безъ волненія сердечнаго. Но крымская война, доставивъ древней классической *Таврикѣ* новую извѣстность и новый историческій интересъ, прибавивъ новую страницу къ его исторіи, оставила вмѣстѣ съ тѣмъ для страны и ея жителей и всѣ печальныя послѣдствія, которыми обыкновенно сопровождается всякая война. И много времени, много усилій человѣческихъ нужно теперь, чтобы поднять этотъ край, такъ щедро одаренный природою и возвысить его на ту степень благосостоянія, до которой онъ можетъ достигнуть по своему рѣдко счастливому географическому положенію и по своимъ климатическимъ условіямъ.

Gez. v. Fessler Gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig

SIMFEROPOL. — CHMΦΟΡΟΙΟΛ.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa

СИМФЕРОПОЛЬ.

Кто ѣдетъ въ Крымъ сухимъ путемъ, составивъ себѣ заранѣе понятіе о живописной красотѣ его, о горахъ и зелени, тотъ грустно разочаровывается въѣзжая въ Перекопъ, — въ эти „ворота“ Крымскаго полуострова, — и продолжая далѣе путешествіе по такимъ-же безжизненнымъ и монотоннымъ степямъ, по какимъ онъ ѣхалъ и до Перекопа. Нигдѣ ни дерева, ни ручья, ни холмистой мѣстности, для разнообразія этой безотрадной картины степей, представляющихся вамъ какою-то безжизненною пустынею, гдѣ, кромѣ почтовыхъ станцій, почти не встрѣчается жилья человѣческаго.

Степная равнина тянется почти до самаго Симферополя, и только подъѣзжая къ послѣдней станціи степь начинаетъ нѣсколько оживляться, появляется вода и деревья и чаще встрѣчаются жилыя мѣста. Отсюда уже обозначается вдали горная цѣпь Тавриды, рисуясь неопредѣленно на горизонтѣ, въ видѣ разнообразныхъ облаковъ, и только *Чатырь-даг* одинъ ясно обрисовывается передъ вами.

За часъ пути отъ Симферополя уже сіяютъ кресты соборной церкви; потомъ постепенно обозначаются ея куполы, тянутся ряды зданій, группы деревъ, серебрится рѣчка *Салгиръ*, опоясанная зеленью, среди которой краснѣютъ черепичныя крыши строеній. Еще ближе и раскинулся весь Симферополь.

Съ-лѣва его окаймляетъ густая, прекрасная роща, за которой начинаются сады; съ-права тянутся ряды дачъ, съ ихъ густыми садами, огородами и пестрыми строеніями.

Съ перекопской дороги, т. е. съ сѣверной стороны степи, Симферополь рисуется довольно большимъ и красивымъ городомъ. Но видъ города представляется еще болѣе красивымъ, если взглянуть на него съ восточной стороны, съ той именно стороны, съ которой онъ изображенъ на нашемъ рисункѣ.

Впереди тянется здѣсь феодосійская почтовая дорога; на-право показывается первая зелень большаго фруктоваго сада, принадлежащаго наслѣдникамъ Султанъ Крымъ-Гирея; съ-лѣва небольшія дачки, окруженныя виноградниками; а за ними группы гигантскихъ тополей и могучей зелени старыхъ садовъ, принадлежащихъ наслѣдникамъ симферопольскихъ сторожиловъ, первыхъ переселенцевъ въ Крымъ, — Мильгаузена, Стевена, Уманца и друг. Далѣе, за этими садами рисуется весь городъ, живописно растянувшись вдоль Салгира. За городомъ подымаются горы, съ-лѣва возвышается Чатыръ-дагъ и отъ него тянется далѣе вся горная цѣпь.

Сады и дачи, можно сказать, опоясываютъ Симферополь со всѣхъ сторонъ, и самые роскошные изъ нихъ тѣ, которые расположены по Салгиру. Это богатство зелени и садовъ придаетъ окрестностямъ Симферополя необыкновенно красивый и оживленный видъ.

Симферополь (у татаръ *Акъ мечеть*, т. е. бѣлая мечеть), дѣлится на двѣ части: на *старую* или татарскую часть города и на *новую*, возникшую со времени присоединенія Крыма къ русскимъ владѣніямъ. Новый городъ, — центръ главной мѣстной администраціи, гдѣ сосредоточены всѣ губернскія присутственныя мѣста и власти, — ничѣмъ не отличается, по своему виду и характеру строеній, отъ другихъ губернскихъ городовъ новороссійскаго края. Чрезвычайно широкія улицы, одно-этажные и дву-этажные дома, большею частію бѣлые, и самой обыкновенной архитектуры, зданіе присутственныхъ мѣстъ, губернаторскій домъ, въ центрѣ города соборная церковь, вокругъ обсаженная деревьями, — все это придаетъ новому Симферополю физіономію очень обыкновеннаго губернскаго города. Близъ соборной площади стоитъ памятникъ князю Долгорукому-Крымскому,

сооруженный въ видѣ невысокаго обелиска, изъ сѣраго крымскаго гранита, не представляющій впрочемъ ничего особеннаго. Городской садъ въ Симферополѣ, называемый обыкновенно бульваромъ не великъ, но очень хорошъ. Онъ идетъ къ самому берегу Салгира, откуда открывается видъ на роскошную салгирскую долину и ея сады.

Но совершенно иную физіономію имѣетъ другая часть Симферополя, или *старый* городъ. Это чисто татарскій городъ; онъ сохранилъ до сихъ-поръ свой восточный характеръ. Улицы его очень узки, едва дають мѣсто одному экипажу; дома всѣ построены фасадомъ во внутрь дворовъ, а на улицу выходятъ однѣ глухія стѣны, калитки и ворота. Прежде здѣсь было много мечетей, но теперь осталось ихъ только двѣ, весьма обыкновенной архитектуры. Эта часть города еще и теперь заселена преимущественно татарами, — хотя между ними теперь живетъ здѣсь и бѣдный классъ народа всѣхъ племенъ, населяющихъ обыкновенно города Крыма.

Во времена владычества татаръ Акъ-мечеть былъ резиденціею *Калги-султана*, т. е. брата, сына или другаго какого-либо родственника хана, который предназначался обыкновенно въ наслѣдники престола и который, во время походовъ или въ отсутствіе хана, заступалъ обыкновенно его мѣсто и правилъ Ордою. Такимъ образомъ, Калгасултанъ былъ вторымъ лицемъ у татаръ, послѣ хана. Онъ имѣлъ свой дворъ, устроенный на подобіе двора самаго хана, свой совѣтъ, своихъ судей и. т. д.

Доходы съ Акъ-мечети и нѣкоторыхъ другихъ городовъ Крыма собирались въ пользу Калги-султана.

На концѣ Симферополя, по дорогѣ на южный берегъ, подъ горою, находился дворецъ Калги-султана, съ прекраснымъ садомъ и фонтаномъ. Теперь же ни отъ дворца, ни отъ сада не осталось почти и слѣдовъ. Но фонтанъ существуетъ, — онъ снабжаетъ и теперь водою почти весь городъ.

БАХЧИСАРАЙ.

Бахчисарай, бывшая столица исчезнувшихъ съ лица земли, нѣкогда грозныхъ „крымскихъ хановъ,“ производитъ на путешественника особенно пріятное и вмѣстѣ грустное впечатлѣніе. Уголокъ этотъ, до сихъ поръ носящій на себѣ яркіе слѣды восточной жизни, еще довольно живо и довольно краснорѣчиво говоритъ о своемъ шумномъ и дикомъ прошедшемъ. Бахчисарай тѣмъ болѣе поражаетъ путешественника, что представляется его взорамъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, какъ бы случайно.

Почтовая дорога, ведущая въ Бахчисарай изъ Симферополя, имѣетъ совершенно степной характеръ; только издали виднѣются горы, слегка покрытыя довольно скудною растительностью. За четверть версты отъ города, дорога вдругъ круто поворачиваетъ въ-лѣво, и взорамъ представляется совершенно неожиданная картина: стѣнъ точно растушилась, чтобы выдвинуть какъ бы изъ земли довольно обширный городъ, растянувшійся въ глубокой и узкой лощинѣ, ярко пестрѣющій среди густой зелени садовъ и со всѣхъ сторонъ обнесенный почти отвѣсными стѣнами бѣлыхъ, обнаженныхъ горъ. Густые ряды гигантскихъ тополей по всѣмъ направленіямъ перерѣзываютъ городъ и соперничаютъ въ высотѣ съ многочисленными и стройно-подымающимися въ воздухъ минаретами татарскихъ мечетей.

Nach Photogr. gez. u. gest. v. Berndt u. Bertrand

BAKTSCHISARAI Бахчисарай.

По такой красивый видъ Бахчисарай представляетъ издали; а вблизи онъ совершенно напоминаетъ довольно грязный восточный городокъ, съ нечистыми улицами и мутнымъ потокомъ, который течетъ посреди города и носитъ по справедливости данное ему названіе *Чюрюкъ-су* — гнилая вода.

Въ городъ въѣзжаютъ черезъ полуразвалившіяся, обросшія мохомъ ворота, съ желѣзными затворами, которыми, во времена хановъ, ворота вѣроятно затворялись на ночь. Но теперь, какъ эти затворы, такъ и петли давно заржавѣли, — и нынѣшніе мирные обитатели Бахчисарая, позабывъ о своихъ прежнихъ удалыхъ разбойничьихъ набѣгахъ, не имѣютъ повода опасаться мести и нападеній ограбленныхъ ими людей; и потому ворота ихъ никогда не затворяются.

Отъ городскихъ воротъ шли когда-то неприступныя стѣны, — перерѣзанныя сторожевыми башнями, — и замыкали долину, въ которой раскинутъ городъ. Теперь отъ стѣнъ этихъ почти нѣтъ и слѣдовъ, и изъ воротъ открывается прямо въѣздъ въ главную и единственную, правильную улицу города. Она идетъ черезъ весь городъ, въ-длину версты на четыре, и такъ узка, что съ трудомъ могутъ разъѣхаться два экипажа. По обѣимъ сторонамъ улицы тянутся лавки и лавочки разнаго рода, цырульни, гдѣ всегда вы увидите намыленныя головы почтенныхъ татаръ, кофейни, въ которыхъ сидятъ на „коврахъ отдохновенія“ и покуриваютъ „кальянъ забвенія,“ — или просто — трубочки тѣ же самыя почтенныя фигуры татаръ; и тутъ-то они ведутъ свои шумныя бесѣды, вспоминаютъ о своемъ давно-минувшемъ, разсказываютъ и собираютъ новости и пр. Здѣсь-же по этой улицѣ, въ открытыхъ лавочкахъ, пекутъ хлѣбъ, бублики, жарятъ кебабы, шьютъ татарскую обувь изъ цвѣтнаго сафьяна, вышиваютъ ее довольно красиво золотомъ и серебромъ, дѣлаютъ сѣдла, кушаки, кисеты для табаку, куютъ, чешутъ шерсть, чинятъ кожи и т. д. Цѣлый день идетъ здѣсь довольно живая и разнообразная дѣятельность. Всѣ эти лавочки, мастерскія и вообще вся улица — хотя и оригинальны по своему внѣшнему виду, но очень не затѣйливо построены и не могутъ похвалиться особенною опрятностію и благорастворенностію воздухомъ, такъ какъ въ ручьѣ, протекающемъ вдоль города, мочатъ кожи для выдѣлыванія сафьяновъ, и прановѣрные, занимающіеся

здѣсь своими ремеслами, подъ легкими деревянными навѣсами своихъ лавчонокъ, не глушаются запахомъ чиненыхъ кожъ, чеснока и т. п. Здѣсь сосредоточивается не только вся ремесленная, но и вся торговая дѣятельность Бахчисарая. Въ небольшихъ, открытыхъ лавочкахъ обыкновенно сидитъ на небольшомъ коврикѣ или войлокѣ пресерьёзный татаринъ и глубокомысленно покуриваетъ свою трубку, ожидая покупателей. Онъ не только не зазываетъ ихъ, какъ это водится у нашихъ гостинно-дворцевъ, но даже и тогда, когда зайдетъ кто-либо къ нему въ лавку, онъ очень лѣниво подымается съ мѣста, чтобы достать и показать требуемую вещь, — точно дѣлаетъ одолженіе своему покупателю.

Проѣхавъ вдоль этой главной улицы съ версту и болѣе, по очень тряской и не гладкой мостовой, представляется наконецъ, почти въ центрѣ города, знаменитый „бахчисарайскій дворецъ," древнее жилище хановъ (*ханъ-сарай* по-татарски) который и до-сихъ поръ сохраняетъ во всей чистотѣ своей, старинную восточную архитектуру и невольно возбуждаетъ въ путешественникѣ рядъ воспоминаній о давно изчезнувшихъ историческихъ лицахъ и событіяхъ. „Ханъ-сарай" — это пестрое, разноцвѣтное и очень оригинальное зданіе по своей постройкѣ и украшеніямъ. Поэты и туристы съ поэтическимъ воображеніемъ называли его не разъ „Русскою Алгамброю," — хотя, по правдѣ сказать, наша крымская Алгамбра столько же походитъ на настоящую, сколько крымскіе татары походятъ на испанскихъ мавровъ. Но, не имѣя ничего общаго съ мавританскою Алгамброю, бахчисарайскій ханскій дворецъ представляетъ тѣмъ не менѣе много восхитительнаго для глазъ и вообще много интереснаго и занимательнаго для путешественника. Раскрашенныя кровли зданія, тонкія башенки, высокія сквозныя трубы, живописныя цвѣтныя изображенія и девизы на дверяхъ и ставняхъ, пестрыя рѣшетчатыя рамы у оконъ, лабиринтъ комнатъ, съ ихъ богатымъ восточнымъ убранствомъ, пространные дворики, цвѣтники, и повсюду эти „сладкозвучные фонтаны," которые, по словамъ поэта, „бьютъ изъ своихъ мраморныхъ темницъ" — все это вмѣстѣ невольно очаровываетъ каждаго посѣтителя бахчисарайскаго дворца, особенно посѣтителя, мало-знакомаго съ востокомъ. Въ дворецъ входятъ большими, яркораскрашенными воротами, надъ которыми красуется арабская надпись, гласящая

витіевато о соорудителѣ ихъ, — „великолѣпномъ повелителѣ двухъ морей, Гаджи-Гирей-ханѣ.“ Ворота эти вводятъ въ очень пространный дворъ, по сторонамъ котораго тянутся, то углубляясь, то выступая, разнообразныя зданія дворца.

На-лѣво представляется широкая мраморная лѣстница, осѣненная огромными тополями, современниками хановъ; она ведетъ въ большую ханскую мечеть; немного дальше подымается другая лѣстница, узкая, съ раскрашенными перилами, по которой подымаются въ разноцвѣтную стеклянную галлерею, составляющую хоры въ мечети. Эти хоры, съ позолоченными украшеніями, служили собственно мѣстомъ молитвы для хановъ. Еще далѣе узкая дверь, также осѣненная тополями, ведетъ на ханское кладбище. Оно окружено каменной стѣною, изъ за которой подымаются куполы двухъ мавзолеевъ; въ нихъ стоятъ простые деревянные гробы, покрытые старымъ сукномъ. Далѣе на-лѣво идутъ службы.

Собственно ханскій дворецъ начинается направо отъ главныхъ воротъ. Тяжелые, желѣзомъ окованные и ярко раскрашенные ворота, отворяются на крыльцо, надъ которымъ виситъ пестрый фонарь, съ позолоченною луною наверху. Крыльцо, съ красивыми колонками и рѣшеткой, вводитъ въ пространныя сѣни, выстланныя бѣлымъ камнемъ, съ нѣсколькими дверями и двумя фонтанами. Одинъ изъ нихъ и есть фонтанъ, устроенный, по преданію, въ память „горестной Маріи“ и внушившій Пушкину его поэму: *Бахчисарайскій фонтанъ*. Онъ осѣненъ крестомъ и луною. Другой фонтанъ, устроенный въ память хана Селимъ-Гирея, называется *Золотымъ*. Изъ этихъ же сѣней маленькая дверь ведетъ въ небольшую часовню, — теперь совершенно пустую, — съ однимъ окномъ на-верху, подъ самымъ потолкомъ. Это та самая часовня, въ которой воображеніе нашего славнаго поэта представляло себѣ молящуюся Марію, воспѣтую имъ въ такихъ гармоническихъ и роскошныхъ стихахъ.*) Вторая дверь изъ

*) Пушкинъ, по поводу происхожденія своей поэмы: „Бахчисарайскій фонтанъ,“ говоритъ (въ перепискѣ съ друзьями, съ вятой Россіи), что онъ только переложилъ въ стихи разсказъ одной прелестной женщины: „Я прежде слыхалъ — говоритъ онъ — странный разсказъ о влюбленномъ ханѣ К**поэтически описывала мнѣ его, называя La fontaine des larmes ... Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины.

Aux douces lois des vers je pliai les accents
De sa bouche aimable et naïve

сѣней ведетъ въ пространный залъ, въ два свѣта, съ большими окнами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Съ позолоченаго потолка здѣсь спускается хрустальная люстра; вокругъ стѣнъ устроены низкіе диваны, покрытые краснымъ сукномъ. Залъ этотъ, говорятъ, былъ мѣстомъ главнаго ханскаго судилища; къ одной изъ стѣнъ на-верху примыкаетъ узкій корридоръ, отдѣленный отъ зала тонкой рѣшеткой; здѣсь, говорятъ ханы имѣли обыкновеніе невидимо присутствовать при засѣданіяхъ судей.

Третья дверь изъ большихъ сѣней выводитъ въ кіоскъ, посреди котораго устроенъ очень красивый водометъ. Отсюда два выхода: одинъ во внутреннія комнаты, а другой въ прелестный маленькій садикъ.

Внутреннихъ комнатъ во дворцѣ такъ много, что безъ провожатаго непремѣнно потеряешься въ этомъ лабиринтѣ ходовъ и переходовъ. Всѣ эти комнаты разукрашены пестрыми рисунками, надписями, девизами. Въ большей части комнатъ потолки позолочены, а мебель состоитъ изъ шитыхъ серебромъ и золотомъ низкихъ диванovъ и столиковъ съ перламутровыми инкрустраціями; почти вездѣ устроены красиво-росписные камины.

Строеній, въ которыхъ помѣщался гаремъ, теперь нѣтъ; они разрушены; остался принадлежавшій къ гарему прелестный тѣнистый садъ, осѣненный миртами и розами. Здѣсь находится мраморный бассейнъ, закрытый отъ солнца виноградомъ; онъ служилъ купальней прекраснымъ гаремнымъ затворницамъ, гдѣ онѣ проводили большею часть своего праздnаго дня и

Съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыба, въ ясной глубинѣ,
На мраморномъ ходила днѣ.

Въ концѣ дворца устроенъ террасами ханскій фруктовый садъ; къ нему ведетъ широкая каменная лѣстница, закрытая виноградомъ. За этимъ садомъ находится мавзолей, въ которомъ, говорятъ, похоронена прекрасная Марія.

При лунномъ освѣщеніи, въ лѣтнюю ночь, бахчисарайскій дворецъ имѣетъ неописанную прелесть. Всѣ

эти сады, съ журчащими фонтанами, эти фантастическія строенія, бѣседки, таинственные дворики, съ высокими деревьями, зелеными лужайками, эти высокіе минареты, спорящіе высотою съ много-вѣковыми тополями, — все это наводитъ на васъ какое-то очарованіе. Вообще бахчисарайскій дворецъ смѣло можетъ поспорить въ красотѣ и очарованіи со многими прелестнѣйшими мѣстами въ Крыму.

До XVI столѣтія столицею Крымскихъ хановъ былъ „Старый Крымъ," или, — какъ тогда его называли, — *Салжатъ*. Но въ началѣ XVI столѣтія ханъ Менгли-Гирей положилъ основаніе новому городу и новой ханской столицѣ въ Бахчисараѣ. Надо предполагать, что при немъ еще не былъ оконченъ дворецъ; потому что Менгли Гирей похороненъ не на ханскомъ кладбищѣ въ Бахчисараѣ; гробница его находится въ предмѣстьи города, по дорогѣ въ Чуфутъ-Кале.

Затѣмъ, почти каждый изъ владѣтельныхъ хановъ занимался украшеніемъ и распространеніемъ своей столицы, особенно же ханскаго дворца, какъ торжественно гласятъ о томъ пышныя арабскія надписи, сохранившіяся и донынѣ въ бахчисарайскомъ дворцѣ.

Бахчисарай при ханахъ былъ очень многолюднымъ городомъ и заключалъ въ себѣ болѣе трехъ тысячъ домовъ, нѣсколько ханскихъ дворцовъ, множество прекрасныхъ мечетей и самые роскошные и богатѣйшіе сады во всемъ Крыму, по обилію которыхъ ханы и назвали свою столицу „Бахчисарасмъ", т. е. „городомъ садовъ."

ЧУФУТЪ-КАЛЕ.

Чуфутъ-Кале, или *Кыркоръ*, *Кыёркоръ*, какъ иные изъ писателей называютъ эту крѣпость, основанъ, какъ слѣдуетъ предполагать, въ весьма отдаленныя и темныя времена для исторіи Крыма, — и основатели этой крѣпости, и годъ ея основанія скрыты въ туманѣ вѣковъ. Палласъ и Кларке предполагаютъ, что, во времена процвѣтанія Кафы, крѣпость эта принадлежала генуэзцамъ.

Крымскіе ханы часто имѣли свое мѣстопребываніе въ Кыркорѣ. Туманъ даже предполагаетъ, что крѣпость эта была ихъ постояннымъ мѣстопребываніемъ въ древности; но справедливость этаго показанія сомнительна, потому что столицею Крыма, до времени основанія Бахчисарая, былъ — *Солхатъ*. Справедливо однако то, что ханъ Менгли Гирей постоянно жилъ въ Кыркорѣ, и отсюда, вѣроятно, слѣдилъ за сооруженіемъ новой ханской столицы.

Съ какихъ поръ поселились въ Кыркорѣ *евреи-караиты*, или *караимы*, и съ какихъ поръ крѣпость эта стала называться „Чуфутъ-Кале“ т. е. „жидовскою крѣпостію“ — этаго также нельзя опредѣлить съ точностію. Судя по надгробнымъ надписямъ, найденнымъ въ „Іосафатовой долинѣ,“ (такъ называется кладбище Чуфутъ-Кале) можно заключить, что эти еврейскіе сектанты поселились здѣсь еще до X вѣка христіанской эры. Часто Крымскіе

Nach Photogr. gez. u. gest. v. Berndt & Bertrand in Leipzig

TSCHUFUT KALE. — — Чуфутъ-Кале.

[illegible] Odessa

ханы и претенденты на ханскій престолъ, враждуя между собою, запирались въ неприступныхъ твердыняхъ крѣпости Чуфутъ-Кале и громили отсюда другъ друга. Но уже въ концѣ XVIII вѣка Чуфутъ-Кале былъ мирнымъ городкомъ караитовъ; а со времени присоединенія Крыма къ русскимъ владѣніямъ, главные раввины караитовъ, мѣстомъ пребыванія которыхъ служилъ прежде Чуфутъ-Кале, были одними изъ преданнѣйшихъ подданныхъ Россіи.

Крымъ чрезвычайно богатъ прекрасными ландшафтами, грандіозными видами, древними замками и городами, богатъ оригинальными и поразительными мѣстоположеніями; но ни одна мѣстность не поражаетъ такъ сильно путешественника, какъ этотъ небольшой, древній городокъ или крѣпость, отстоящая отъ Бахчисарая не болѣе какъ на 3 версты.

Изъ Бахчисарая въ Чуфутъ-Кале дорога идетъ сначала среди сѣрыхъ скалъ, которыя то склоняютъ свои вершины надъ узкой долиной, то раступаются и даютъ мѣсто свѣжей зелени садовъ, то опять смыкаются и подымаются еще выше, точно хотятъ вамъ заслонить солнце. Въ одной изъ этихъ сѣрыхъ громадъ высѣченъ древній монастырь во имя „Успѣнія пресв. Богородицы.“ Новѣйшія строенія монастыря помѣщены посреди узкой долины и окружены прекраснымъ садомъ, который орошается свѣтлымъ и прозрачнымъ ручьемъ, тутъ-же бѣгущимъ по долинѣ.

Миновавъ Успенскій монастырь, дорога опять съуживается среди сѣрыхъ утесовъ и тянется далеко впередъ.

Но вы тутъ останавливаетесь въ недоумѣніи. Вамъ кажется, что влѣво отъ васъ, на грозно выступающей высокой и совершенно отвѣсной скалѣ, на самомъ гребнѣ ея, лѣпятся не то домики, не то птичьи гнѣзда. Вы всматриваетесь пристальнѣе и удостовѣряетесь, что надъ вами дѣйствительно висятъ домики, которые высматриваютъ изъ-за страшной пропасти, прицѣпившись къ обрывистому, неприступному утесу какою-то невидимою силою. Рѣшетчатые окна, крыши, навѣсы, галлерейки этихъ домиковъ — все это виситъ надъ бездной.

Въ городокъ ведетъ, подымаясь вверхъ, единственная дорога, изсѣченная въ скалѣ; она же служитъ и единственнымъ средствомъ сообщенія съ остальнымъ міромъ этому оригинальному человѣческому обиталищу, которое со всѣхъ сторонъ окружено высокими каменными стѣнами.

Рисунокъ нашъ дастъ, до нѣкоторой степени, понятіе о замѣчательномъ мѣстоположеніи Чуфутъ-Кале. Здѣсь изображена вся гладкая, точно выполированная, сѣрая скала, съ возвышающимися надъ нею строеніями, древними башнями и стѣнами. Углубленіе, замѣтное почти въ срединѣ скалы, представляетъ дорогу въ Чуфутъ-Кале. Подъ круглою башнею помѣщаются большіе желѣзныя ворота, которые ведутъ въ городокъ. Вы въѣзжаете черезъ эти ворота въ единственную улицу Чуфутъ-Кале, — и внутренность его, столько же, какъ и наружный видъ, поражаетъ васъ своею удивительною оригинальностью. Вы видите довольно широкую улицу, по которой можетъ свободно проѣхать повозка, обнесенную каменными стѣнами, по обѣимъ сторонамъ, съ маленькими калитками; по домовъ точно здѣсь и нѣтъ; только за стѣнами, вы замѣчаете, возвышаются крыши. Но отворите которую-либо изъ этихъ калиточекъ, и вы очутитесь въ очень чистомъ дворикѣ, обнесенномъ строеніями; опрятная, открытая галлерейка или крытое крыльцо введутъ васъ въ просторную комнату, устроенную въ восточномъ вкусѣ, съ раскрашеннымъ деревяннымъ потолкомъ и рѣзными, ярко-раскрашенными, украшеніями по стѣнамъ. Полъ устланъ ковромъ или пестрымъ войлокомъ; вдоль стѣнъ стоятъ широкіе диваны. Эта комната обыкновенно служитъ пріемною для гостей; въ ней же живетъ и самъ хозяинъ; а семья его помѣщается въ другихъ комнатахъ.

Лучшій домъ въ Чуфутъ-Кале принадлежалъ прежде раввину Беиму, извѣстному своимъ гостепріимствомъ, съ которымъ онъ принималъ всегда путешественниковъ. Домъ этотъ существуетъ и по-нынѣ. Онъ хорошо замѣтенъ на нашемъ рисункѣ, свѣсившись всѣмъ фасадомъ своимъ со скалы; крыша этаго домика подымается выше другихъ. Домъ раввина прекрасно отдѣланъ внутри: потолокъ въ главной комнатѣ украшенъ золотомъ; стѣны и навѣсъ, устроенный надъ одной изъ стѣнныхъ нишъ, которая составляетъ родъ алькова, для кровати хозяина, расписаны яркими арабесками и украшены позолотой.

По вы скоро позабудете обо всемъ этомъ восточномъ убранствѣ комнаты, при той прелести видовъ которые отрываются изъ ея рѣшетчатыхъ оконъ. Изъ окна, обращеннаго на западъ, представляется длинная цѣпь горъ, лѣсовъ, холмовъ, ущелій, и за всѣмъ этимъ синѣетъ безконечное пространство Чернаго моря, по которому то тамъ, то сямъ бѣлѣютъ паруса судовъ. Не забудьте при этомъ, что самое короткое разстояніе Чуфутъ-Кале отъ моря равняется не менѣе 25—30 верстъ. До войны, когда существовалъ черноморскій флотъ, отсюда часто можно было видѣть эскадру, выступившую въ море, котораго-нибудь изъ безсмертныхъ адмираловъ, защитниковъ Севастополя. Корабли, распустивъ бѣлоснѣжные паруса, какъ лебеди плыли одинъ за другимъ, величественно качаясь на морской зыби. Во время войны изъ оконъ дома раввина былъ видѣнъ весь безконечный рядъ союзнаго флота, представлявшійся ночью сплошнымъ заревомъ, во время бомбардированія Севастополя.

Но позабудемъ объ ужасахъ войны и подойдемъ къ другому окну, обращенному на сѣверъ. Здѣсь, немного влѣво, виднѣется глубина долины, залитой темною зеленью много-вѣковыхъ деревъ, сквозь густыя вѣтви которыхъ бѣлѣютъ разнообразные надгробные памятники и журчитъ фонтанъ.

Это-такъ называемая „Іосафатова долина,“ гдѣ уже много, много вѣковъ спятъ цѣлыя поколѣнія жителей Чуфутъ-Кале. Правѣе, представляется Успенскій монастырь, съ его прекрасною церковью, на днѣ долины, съ многочисленными зданіями, возвышающимся среди садовъ. По отвѣсной скалѣ лѣпятся келы иноковъ и сіяютъ куполы церквей, пріютившихся подъ скалами; по дорожкамъ и среди цвѣтниковъ отдѣляются темныя тѣни монаховъ, серебрятся воды фонтана, пестрѣютъ цвѣтники, — и надъ всѣмъ этимъ подымается въ небо неприступная сѣрая скала.

Изъ третьяго окна, обращеннаго на востокъ, открывается видъ на долину въ-право. Тутъ пестрѣетъ весь Бахчисарай съ его минаретами, садами, росписными крышами дворца и разнохарактерными бахчисарайскими домиками; а далѣе, по обѣ стороны, тянутся утесы, теряясь въ лазурной дали.

Почти въ срединѣ Чуфутъ-Кале находится памятникъ *Неменскеджанъ-ханымъ*, одной изъ дочерей татар-

ского хана Тохтамыша, о жизни и приключеніяхъ которой разсказываютъ много романтическаго. Говорятъ, что она влюбилась въ какого-то генуэзца и скрылась вмѣстѣ съ нимъ въ неприступной крѣпости Чуфутъ-Кале. Однако, она и здѣсь не могла считать себя въ безопасности отъ преслѣдованій и гнѣва отца своего; и, зная объ участи, которая ее ожидала, еслибы она попалась ему въ руки, — она бросилась съ пропасти Чуфутъ-Кале.

Чуфутъ-Кале въ древности, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ Крыму, по своей неприступности. О чемъ можно судить еще и теперь, по остаткамъ укрѣпленій и по самому положенію ихъ.

Въ послѣдніе вѣка въ немъ постоянно жили евреи-караимы, и они-то построили всѣ тѣ чистенькіе домики, которые мы теперь видимъ здѣсь. Но уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ большая часть караимовъ выселилась изъ Чуфутъ-Кале; теперь ихъ осталось здѣсь только нѣсколько семействъ, и городъ приходитъ въ замѣтное разрушеніе.

Евпатория. — Евпаторія.

ЕВПАТОРІЯ.

Евпаторія, — одинъ изъ портовыхъ городовъ Крыма, лежитъ на берегу полукруглаго и довольно краснваго залива. Черное море, у береговъ Таврическаго полуострова, образуетъ много такихъ заливовъ, которые служатъ болѣе или менѣе удобными бухтами.

Евпаторіей этотъ городъ названъ по имени древней греческой крѣпости, которая находилась, впрочемъ, не на мѣстѣ нынѣшняго города, а гораздо далѣе отъ него и ближе къ Севастополю. Но русскій народъ до-сихъ поръ даетъ Евпаторіи названіе *Козлова*, отъ турецкаго *Гёзлеве*, — какъ Евпаторія называется и теперь еще у татаръ.

Во времена крымскихъ хановъ, Евпаторія была многолюднымъ, богатымъ и хорошо укрѣпленнымъ городомъ. Она была обнесена стѣною, которая перерѣзывалась нѣсколькими башнями. Остатки этихъ укрѣпленій видны еще и теперь. Въ Гёзлеве находилось много красивыхъ и превосходныхъ зданій; изъ нихъ осталась теперь только одна великолѣпная мечеть, съ многими куполами. Мечеть эта называется *Джума-Джами* или *Хань-Джами*.*) Это очень величественное зданіе, отличающееся прекрасною архитектурою. Высокіе, тонкіе минареты

*) Джума — пятница, праздничный день татаръ; джами — мечеть.

этой мечети, живописно подымавшіеся надъ городомъ, сброшены были въ одну изъ бурь, такъ часто свирѣпствующихъ въ Евпаторіи, по причинѣ ея открытаго положенія.

При взглядѣ на Евпаторію съ моря, она представляется городомъ, широко раскинувшимся по берегу моря, съ высокими домами, съ многочисленными минаретами татарскихъ мечетей, между которыми величественно возвышается прекрасное зданіе древней *Джума-Джами*. Здѣсь же, не далеко отъ морскаго берега, находится и очень красивое зданіе караимской синагоги, одной изъ лучшихъ и замѣчательныхъ во всемъ Крыму. Караимское населеніе очень значительно и богато въ Евпаторіи; здѣсь же живетъ главный раввинъ караимовъ, или таврическій и одесскій *гахамъ*.

Всѣ лучшія зданія города тѣснятся къ берегу моря и тянутся во всю длину его. Это и придаетъ Евпаторіи такой красивый видъ съ моря. Но остальная часть города, по своимъ узкимъ и неправильнымъ улицамъ, по незначительнымъ постройкамъ, ничѣмъ не отличается отъ улицъ и построекъ стараго Симферополя, Бахчисарая, Карасубазара и вообще имѣетъ характеръ незначительнаго мусульманскаго города. Особенность Евпаторіи, отличающая ее отъ другихъ городовъ, заключается лишь въ томъ, что ее окружаютъ со всѣхъ сторонъ нескончаемые ряды вѣтряныхъ мельницъ. Онѣ, точно полки сказочныхъ исполиновъ, обступили городъ и машутъ на него своими гигантскими руками.

Во время послѣдней крымской войны Евпаторія была занимаема союзными войсками, преимущественно турецкими, подъ начальствомъ Омера-Паши.

Въ память жертвъ, павшихъ подъ Евпаторіей въ эту ужасную войну, жители города поставили мраморный памятникъ, осѣненный бронзовымъ вызолоченнымъ крестомъ.

Жителей въ Евпаторіи теперь считается до 9,000; большинство между ними составляютъ татары и евреи-караимы. Но здѣсь живутъ также евреи-раввинисты, армяне, греки, русскіе и друг. До выселенія крымскихъ татаръ въ Турцію, Евпаторія была вообще гораздо болѣе населена.

Евпаторія, лѣтомъ, представляетъ видъ довольно оживленнаго города. Удобныя морскія купанья и здоровый, степной и морской воздухъ привлекаютъ сюда много купающихся. Тогда берегъ моря бываетъ усѣянъ множествомъ купалень, раскинутыхъ и на самомъ берегу, и довольно далеко отъ берега, въ водѣ, такъ какъ море у Евпаторіи очень мелко, на далекое разстояніе. Нѣкоторыя изъ этихъ купалень устроены на тонкихъ сваяхъ, а нѣкоторыя просто плаваютъ по водѣ, на якорѣ, и снабжены небольшими колесами, за тѣмъ, чтобы удобно было вытянуть ихъ на берегъ, въ случаѣ бури. Купальни эти и толпы купающихся придаютъ весьма оригинальный и оживленный видъ морскому берегу въ Евпаторіи, во время лѣтняго сезона.

СЕВАСТОПОЛЬ.

Кажется, ни одинъ городъ въ мірѣ не жилъ такою скоротечною жизнію, какъ Севастополь: онъ не просуществовалъ и одного вѣка. Но за то — это была славная, блестящая жизнь, полная силы, дѣятельности и славы, занесенной крупными буквами на страницы исторіи.

Севастополь основанъ, по повелѣнію Екатерины II, въ 1794 году, на мѣстѣ татарской деревушки *Ахтіаръ*. Городъ быстро разрастался: созданіе черноморскаго флота и устройство города шли одновременно гигантскими шагами, и Севастополь, въ самое короткое время, превратился въ одинъ изъ красивѣйшихъ, многолюднѣйшихъ и чрезвычайно оживленныхъ городовъ русскихъ.

Севастополь расположенъ вокругъ своей главной бухты, которая развѣтвляется на нѣсколько превосходныхъ меньшихъ бухтъ. Онъ постепенно подымается отъ морскаго берега и раскидывается, въ видѣ амфитеатра, по горамъ. Такое положеніе придаетъ городу видъ чрезвычайно-живописный.

Бухта Севастополя можетъ назваться единственною въ мірѣ, какъ по величинѣ своей, такъ и по удобству для кораблей. Эта величественная бухта какъ бы самою природою была предназначена для того, чтобы служить вмѣстилищемъ многочисленнаго флота.

Nach Photogr. gez. u. gest. v. Bernatz & Bertrand in Leipzig.

SEWASTOPOL. Севастополь.

Verl. d. v. Prof. Bernatz in Odessa.

Входъ въ севастопольскую бухту былъ защищенъ нѣсколькими грозными фортами и батареями, построенныхъ изъ камня, на сводахъ, въ два и въ три этажа. Къ главнѣйшимъ изъ этихъ батарей принадлежали: Николаевская, Александровская, Михайловская, Павловская и др. Цѣлый лѣсъ мачтъ подымался въ бухтахъ съ кораблей, фрегатовъ, шкунъ, пароходовъ, наполнявшихъ севастопольскій рейдъ и находившихъ себѣ вѣрную защиту подъ прикрытіемъ названныхъ нами грозныхъ батарей и фортовъ.

Превосходные сухіе доки устроены были въ гранитной скалѣ для исправленія и починки кораблей самыхъ большихъ размѣровъ. Устройство ихъ стоило милліоны рублей.

Колоссальныя постройки и превосходныя зданія, казенныя и частныя, украшали Севастополь. Замѣчательнѣйшими изъ нихъ были: Петропавловская церковь, церковь Архангела Михаила, севастопольская офицерская библіотека, домъ благороднаго собранія, памятникъ Казарскому, воздвигнутый въ видѣ красивой пирамиды, адмиралтейство, театръ, главная пристань, т. е. Екатерининская, устроенная въ видѣ греческаго портика — и много другихъ красивыхъ, казенныхъ и частныхъ домовъ дѣлали изъ Севастополя одинъ изъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ городовъ имперіи, по-мимо его важнаго значенія, какъ военнаго порта.

Моряки черноморскаго флота съ большимъ жаромъ и дѣятельностію занимались украшеніемъ своего города и любили его съ какою-то страстію. Они гордились своимъ Севастополемъ и своимъ флотомъ.

За городомъ, на возвышенности, тянулся рядъ каменныхъ казармъ, въ которыхъ помѣщались пѣхотныя войска, стоявшія въ Севастополѣ. Матросы съ семействами занимали отдѣльныя слободки.

Севастополь былъ исключительно морскимъ военнымъ городомъ; армейскіе полки были тамъ какъ-то незамѣтны.

Оживленіе въ Севастополѣ было необыкновенное. Это не было оживленіе торговаго порта, гдѣ всѣ торопятся по дѣламъ и снуютъ по улицамъ, съ озабоченными лицами. Севастопольскія улицы были также всегда полны народа, но народа веселаго, порою буйнаго, который только что сошелъ на берегъ съ своего

корабля, быть можетъ, только что пришелъ съ моря, и хочетъ насладиться жизнію и тѣми удовольствіями, какія она ему представляетъ.

Во всѣхъ концахъ города слышались пѣсни и музыка; стройные звуки военной музыки неслись нерѣдко и съ рейда, со стоявшихъ на немъ кораблей.

По бухтамъ безпрерывно сновали катера, лодки, ялики всѣхъ возможныхъ видовъ и назначеній.

Севастополь бывалъ особенно хорошъ и особенно оживленъ по вечерамъ, когда городъ и всѣ его бухты, густо уставленныя кораблями, являли какую-то волшебную картину, при богатомъ ночномъ освѣщеніи.

Народонаселеніе города съ войсками простиралось до 45,000 душъ и болѣе, которыя помѣщались въ 2,530 каменныхъ домахъ. Иногда же цыфра населенія Севастополя доходила до 60,000 и болѣе.

И все это народонаселеніе, всѣ эти дома, вся кипучая дѣятельность цвѣтущаго и необыкновенно краснваго города должны было изчезнуть въ одинадцать мѣсяцевъ безпримѣрной въ исторіи осады и самой кровопролитной войны, какая только велась на земномъ шарѣ когда-либо.

Исторія осады Севастополя еще свѣжа въ памяти у всѣхъ. Изумительная, отчаянная храбрость моряковъ черноморскаго флота, чтобы отстоять свой городъ, пожертвованіе флотомъ, который былъ затопленъ въ бухтѣ, неимовѣрныя усилія и храбрость русскихъ войскъ — не могли спасти Севастополя. Онъ палъ, разбитый и превращенный въ груду развалинъ! Русскія войска, съ горстью оставшихся въ живыхъ моряковъ черноморскаго флота, отступили на сѣверную сторону бухты; при отступленіи они взорвали одну изъ батарей, которою непріятель могъ воспользоваться для обстрѣливанія сѣверныхъ укрѣпленій.

Съ паденіемъ Севастополя изчезъ и черноморскій флотъ, — его главная гордость и украшеніе: долго виднѣлись посреди бухты мачты кораблей, торчавшіе изъ воды, точно могильные кресты и памятники на кладбищѣ.

Всѣ превосходныя зданія Севастополя, о которыхъ упомянуто выше, какъ казенныя, такъ и частныя, лежатъ теперь въ развалинахъ. То, что непріятель не могъ уничтожить своими страшными ядрами и бомбами,

Gez. v. Fessler Gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig

SEWASTOPOL
vor dem Kriege (v. Norden.)

ГРЕВАСТОПОЛЬ
передъ войною (съ сѣвери ст.)

Verlag v. Emil Berndt in Odessa

то онъ поторопился уничтожить, завладѣвъ городомъ: французы и англичане взрывали порохомъ уцѣлевшія отъ осады зданія Севастополя. Такъ, ими взорваны были: доки, остававшіеся дотолѣ невредимыми, адмиралтейство, казармы, Николаевская батарея и много другихъ казенныхъ зданій и частныхъ домовъ.

И теперь того славнаго, того красиваго Севастополя, который изображенъ во всемъ своемъ великолѣпіи на первомъ изъ нашихъ видовъ, уже нѣтъ, — онъ погребенъ подъ своими развалинами, какъ нѣтъ и черноморскаго флота, погребеннаго въ волнахъ. Подъ этими печальными, но краснорѣчивыми развалинами покоятся и храбрые моряки, защитники города. Въ память ихъ и на мѣстѣ, гдѣ погребенъ адмиралъ Лазаревъ, строится нынѣ красивый соборъ, во имя св. Владиміра. Это новое зданіе собора стоитъ посреди груды разбитыхъ и развалениыхъ стѣнъ, торчащихъ трубъ и всего этаго печальнаго запустѣнія, понятіе о которомъ можно составить изъ нашей картинки, изображающей видъ Севастополя послѣ войны. Соборъ св. Владиміра возвышается какъ великолѣпный надгробный памятникъ среди могилъ.

Настоящій Севастополь замѣчателенъ только по своимъ историческимъ развалинамъ. Онъ ненасчитываетъ теперь и десяти тысячъ новаго населенія. Отстройка его идетъ очень медленно. Новыя постройки ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть сравниваемы съ великолѣпными зданіями прежняго Севастополя. Между новыми постройками Севастополя считается болѣе 500 деревянныхъ домовъ, что составляетъ большую рѣдкость въ Крыму. Эти деревянныя постройки Севастополя служатъ, впрочемъ, также памятниками войны. Они построены изъ непріятельскихъ баракъ, купленныхъ за дешевую цѣну промышленниками, по заключеніи мира.

На сѣверной сторонѣ севастопольской бухты, на кладбищѣ, гдѣ похоронено столько тысячъ нашихъ защитниковъ Севастополя, возвышается великолѣпная церковь, въ видѣ пирамиды, сооруженная изъ зелено-сѣраго крымскаго гранита, взятаго для постройки съ живописной горы *Кастель*, близъ Алушты.

Съ сѣверной стороны бухты, гдѣ находится эта прекрасная церковь, видѣнъ весь Севастополь. И какъ живописны его величественныя развалины, при солнечномъ освѣщеніи! На бѣлыхъ высотахъ, по которымъ

раскидывается городъ, темнѣютъ черныя развалины; среди нихъ возвышается куполъ новаго собора св. Владиміра, пестрѣютъ крыши вновь выстроенныхъ домовъ, зеленѣютъ деревья кое-гдѣ оставшихся садовъ и синія воды великолѣпной бухты искрятся на солнцѣ. Вмѣсто славнаго флота, который еще такъ недавно красовался на ней и который она скрыла въ волнахъ своихъ, вмѣсто этого флота, качается теперь одно или два купеческихъ судна, зашедшихъ въ Севастополь переждать непогоду, или пыхтитъ торговый пароходъ, привезшій грузъ и пассажировъ. Простыя лодочки плывутъ кое-гдѣ по волнамъ, перевозя кого-нибудь изъ жителей города съ одного берега на другой. А тамъ, за городомъ, поодаль, тянется ровная гладь „Ираклійскаго полуострова,“ и на горизонтѣ сіяетъ крестъ церкви Херсонесскаго монастыря, къ постройкѣ котораго приступлено уже послѣ войны.

Gez. v. Fessler. Gest. v. Brendt u. Bertrand in Leipzig

St Georgenkloster — Георгіевск. Монастырь
unweit Sebastopol — бл. Севастополья

Verlag v. Emil Berndt in Odessa

ГЕОРГІЕВСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Нѣтъ сомнѣнія, что каждый русскій путешественникъ, отправляющійся первый разъ въ Крымъ моремъ, подойдя къ Севастополю, непремѣнно сойдетъ на берегъ, чтобы взглянуть на его печальныя развалины. Обозрѣвъ ихъ, въ грустномъ настроеніи духа, возвращается онъ на пароходъ и спѣшитъ достигнуть цвѣтущихъ береговъ Ялты (цѣль большей части путешественниковъ въ Крымъ).

Но, оставляя развалины новѣйшихъ временъ, онъ невольно вспомнитъ, что онъ находится въ классической странѣ, что онъ проходитъ мимо классическихъ береговъ хорошо извѣстнаго древнимъ „Ираклійскаго полуострова,“ — и невольно станетъ искать глазами развалины давно минувшихъ временъ, развалины древняго *Херсонеса*. Но, гдѣ же эти развалины? Гдѣ находилась эта славная республика греческая? Глазъ скользитъ по голымъ утесамъ, ни начемъ не останавливаясь. Все стерто, все смыто временемъ, рукою невѣжества и наконецъ окончательно уничтожено разрушителями Севастополя. Послѣдняя война разметала всѣ послѣдніе камни, оставшіеся отъ развалинъ Херсонеса. Ровная, каменистая гладь, щедро политая человѣческою кровью, стелется на далекое разстояніе.

А какъ оригинальны, какъ причудливы берега Ираклійскаго полуострова. Они подымаются надъ моремъ то вертикальными стѣнами, то пирамидами, то отдѣльно стоящими пиками. Большая часть этихъ скалъ мрачнаго,

чернаго цвѣта, точно одѣты въ трауръ. Изъ-подъ кипучихъ водъ торчатъ утесы, на которые яростно взбѣгаетъ волна, и, развиваясь серебристымъ дождемъ, омываетъ вершины самыхъ высокихъ изъ нихъ.

Но гдѣ же стоялъ на этихъ дикихъ утесахъ знаменитый храмъ Діаны, воздвигнутый херсонесцами на мысѣ *Парѳенонѣ*? Который изъ этихъ утесовъ можетъ быть этимъ мысомъ? Пароходъ подвигается, и вмѣсто развалинъ древняго языческаго храма вы видите на вершинѣ засіялъ золотой крестъ; еще немного далѣе и показался золоченый куполъ христіанской церкви, заискрѣли строенія, зазеленѣли деревья. И все это среди неприступныхъ скалъ, между острыми утесами, на дикомъ, уединенномъ берегу, гдѣ живутъ одни морскія птицы. Это тоже храмъ, воздвигнутый херсонесцами, но херсонесцами уже христіанами, основанный въ первые вѣка вѣры и посвященный святому Георгію. Храмъ этотъ построенъ около мыса Парѳенона, на которомъ еще до послѣдней войны находились явные слѣды языческаго храма Діаны.

Отсюда, изъ монастыря св. Георгія, распространялось евангеліе, разносилась *добрая вѣсть* по всему Крыму. Сюда же стекались первые христіане на поклоненіе. И теперь толпы поклонниковъ продолжаютъ стекаться въ эту святую обитель, особенно къ дню 23-го Апрѣля, когда празднуется память святаго, во имя котораго построенъ монастырь.

Монастырь расположенъ на верхнихъ уступахъ крутой горы, спускающейся къ самому морю, почти болѣе чѣмъ на версту растоянія. Верхніе постройки, т. е. гостинница для богомольцевъ и кладбищинская церковь монастыря, стоятъ на равнинѣ. Собственно въ монастырь входятъ въ ворота, устроенные у самаго перваго уступа горы. Прежде, сейчасъ за этими воротами открывался очаровательный видъ на море. Теперь же тутъ, на первой террасѣ построено какое-то монастырское зданіе, которое заслоняетъ собою этотъ видъ. За нимъ открывается терраса, обнесенная чугунною рѣшеткою: отсюда открывается самый широкій видъ на море, на весь скатъ горы, на всѣ строенія и сады монастыря. Видъ дивный, единственный, можно сказать, по своей величественной красотѣ.

Всѣ эти мрачныя скалы, которыя представляются съ моря такими громадными, здѣсь кажутся весьма небольшими и какъ бы умышленно поставленными для украшенія мѣстности. Съ лѣвой стороны, на террасѣ, стоитъ маленькая церковь, а направо устроено нѣсколько келій. Съ этой террасы лѣстница спускается на другую, болѣе узкую, чѣмъ первая и уже безъ рѣшетки. Здѣсь находится фонтанъ прекрасной воды, окруженный гигантскими тополями. Надъ фонтаномъ, — который, замѣтимъ, устроенъ въ каменномъ контрофорсѣ, поддерживающемъ террасу, — и по стѣнкамъ его вездѣ вырѣзано множество французскихъ и англійскихъ надписей, съ именами и памятными числами 1855 и 1856 годовъ. Здѣсь, у конца террасы, и противъ фонтана устроенъ небольшой балконъ съ чугунной рѣшеткой. Надъ дверцами этого балкона долго висѣла, а можетъ быть, и теперь виситъ деревянная дощечка, съ слѣдующею надписью по-французски и по-англійски:

Il est defendu de descendre
au bord de la mer.

No persons allowed to go down
to the water edge.

Это также память послѣдней войны и пребыванія французовъ и англичанъ въ георгіевскомъ монастырѣ.*)

Отсюда уже начинается спускъ къ самому морю. Сначала онъ идетъ по довольно крутой лѣстницѣ, а далѣе по крутой и узкой тропинкѣ. По тропинкѣ вы доходите до небольшаго дома, или лучше сказать до развалинъ домика адмирала Лазарева, который былъ разрушенъ англійскими солдатами. Послѣ чего и было запрещено спускаться къ морю. Съ четверть версты отъ моря находится полуразрушенная одинокая келья; далѣе торчатъ скалы, между которыми вьется довольно опасная и очень утомительная тропинка, по которой вы можете спуститься къ самому берегу.

*) Такъ какъ во все продолженіе войны въ георгіевскомъ монастырѣ находились французы и англичане, то оставшіеся въ монастырѣ монахи привыкали понимать ихъ и даже говорить съ ними.

Во все продолженіе крымской войны георгіевскій монастырь, какъ мы замѣтили, былъ занимаемъ непріятельскими войсками и оставшіеся въ немъ настоятель, отецъ Геронтій и монахи находились въ плѣну. Въ монастырѣ находилась, какъ извѣстно, и главная квартира французскаго главнокомандующаго, генерала Пелисье. Впрочемъ, по словамъ монаховъ, находившихся въ плѣну, имъ не было причиняемо никакихъ непріятностей союзниками. Существовали приказанія самихъ главнокомандующихъ, чтобы въ монастырѣ ничего не трогали и не портили. Церковная служба все время продолжалась обычнымъ порядкомъ. Настоятелю и монахамъ выдавалось хорошее содержаніе изъ главнаго штаба и отпускалось вино и мука для просвиръ и все необходимое при церковномъ служеніи.

Французы и англичане часто ходили слушать божественную службу, и всегда держали себя съ должнымъ уваженіемъ къ святости мѣста.

Nach Photogr. gez. u. gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig

BALAKLAWA. — Балаклава.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa

БАЛАКЛАВА.

„Въ славную пристань пошли мы: ее образуютъ утесы.
Круто съ обѣихъ сторонъ подымаясь и сдвинувшись подлѣ
Устья великими, другъ противъ друга изъ темныя бездны
Моря торчащими камнями, входъ и исходъ заграждая.“
(„Одиссея,“ X, 87—90, въ перев. Жуковскаго.)

Такъ, по мнѣнію Карла Риттера, описываетъ греческій пѣвецъ странствованій Одиссея, Балаклавскіе утесы, сквозь которые вливается море въ самую средину горъ и образуетъ, такимъ образомъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ заливовъ у крымскихъ береговъ.

Эти два красноватые, мраморные утесы, выдавшись въ море двумя мысами, сдвинулись такъ близко одинъ къ другому, что едва даютъ мѣсто пройти двумъ кораблямъ; но, впустивъ ихъ, они вдругъ разступаются и образуютъ пространный бассейнъ, темныя воды котораго разливаются въ ширину на 1,200, а въ длину на 5,280 фут. Никогда не возмущаемый бурями и изобилующій рыбою, бассейнъ этотъ окруженъ домиками и садами городка Балаклавы.

Городокъ подымается отъ набережной террасами по довольно отлогой горѣ. И какъ дивно хорошъ видъ съ верхнихъ террасъ на балаклавскую набережную въ тихій вечеръ, когда луна серебритъ темныя воды залива,

среди котораго качаются суда и небольшія лодки, и у береговъ блуждаютъ огни рыбаковъ! Невозмутимая тишина царствуетъ повсюду; только изрѣдка раздастся крикъ ночной птицы или послышится отдаленная пѣсня рыбака, и опять все стихнетъ! И только тихое журчаніе слабо-колышащихся водъ залива нарушаетъ это безмолвіе. Жители Балаклавы, состоящіе преимущественно изъ грековъ, умѣютъ цѣнить эти очаровательныя ночи. Молодыя гречанки, какъ видно, большія почитательницы природы и поэзіи, выходятъ по вечерамъ изъ своихъ домиковъ и разсыпаются по узкимъ улицамъ городка, или же любуются прекрасными видами, открывающимися на набережную, съ открытыхъ галлерей своихъ домиковъ; на набережной также можно нерѣдко встрѣтить одинокихъ мечтателей и любителей лунныхъ ночей.

Нашъ видъ Балаклавы снятъ съ вершины горы, на которой стоитъ городокъ. На первомъ же планѣ здѣсь растилается и весь городъ, окружающій воды балаклавскаго залива, извѣстнаго древнему греческому географу Страбону подъ живописнымъ названіемъ *Ужо-устаю*.

Далѣе подымаются громадные утесы, воспѣтые еще старикомъ Гомеромъ и увѣнчанные остатками древнихъ стѣнъ и башенъ.

Утесы эти, такъ величественно выступающіе въ море, когда-то въ давно минувшія времена, — во времена существованія дикихъ Тавровъ, первыхъ обитателей этихъ утесовъ, служили ужасомъ для мореходцевъ, которымъ нельзя было безнаказанно приближаться къ нимъ, а тѣмъ менѣе входить въ прекрасную гавань, за ними находящуюся. Мучительная смерть ожидала здѣсь каждаго чужеземца. Впослѣдствіи эти кровожадные и дикіе обитатели крымскихъ горъ смѣнились болѣе миролюбивыми и болѣе цивилизованными народами, которымъ досталась Балаклава. Они воздвигли на этихъ неприступныхъ утесахъ еще болѣе неприступныя крѣпости, страшныя только для враговъ ихъ, — и входъ въ балаклавскую бухту сдѣлался доступнымъ для всѣхъ мореплавателей. Это были предпріимчивые сыны Греціи. Но явились новые, еще болѣе ловкіе и столько же предпріимчивые, мореходцы: генуэзцы завладѣли греческимъ *Ямболи*, и флагъ святаго Георгія развился на балаклавскихъ утесахъ. Переименовавъ городъ

въ *Чемболо*, генуэзцы построили здѣсь тѣ не сокрушимыя твердыни, развалины которыхъ такъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ еще и досегодня о давно минувшемъ величіи итальянцевъ на крымскомъ полуостровѣ. Но все измѣнчиво и все непрочно въ историческихъ судьбахъ народовъ. Знамя Магомета скоро, въ свою очередь, взвилось на высокихъ башняхъ Чемболо.

Когда Крымъ отошелъ къ Россіи, Императрица Екатерина II. поселила въ Балаклавѣ грековъ, — выходцевъ изъ Архипелага. Съ тѣхъ поръ эти греки, составляя „балаклавскій греческій баталіонъ“, были почти единственными обитателями городка.

Четыре вѣка безмолвствовали грозныя генуэзскія твердыни, медленно разрушаясь отъ времени и непогодъ. Но въ 1854 году, когда англичане заняли Балаклаву, онѣ вновь огласились неумолкаемымъ громомъ пушечныхъ выстрѣловъ, криками сражающихся и стонами умирающихъ. Балаклава превратилась въ огромный военный лагерь. Но не безъ боя сдалась она врагамъ, горсть балаклавцевъ, подъ предводительствомъ своего начальника, полковника *Манто*, засѣвъ въ древней крѣпости, защищали входъ въ проливъ до тѣхъ поръ, пока начальникъ ихъ не былъ тяжело раненъ.

Съ какимъ удивленіемъ должны были смотрѣть генуэзскія башни на всѣ эти, давно ими позабытыя, ужасы войны, на всю эту кипучую дѣятельность военнаго лагеря, паровозы, пароходы, желѣзныя дороги, магазины и пр., какъ бы по волшебству появившіяся у англичанъ! Все это въ Балаклавѣ было какимъ-то страшнымъ и удивительнымъ сномъ. Но сонъ миновался, — и Балаклава теперь уже давно позабыла какъ объ ужасахъ войны, такъ и о желѣзныхъ дорогахъ, паровозахъ и обо всей неумолчной дѣятельности, которая здѣсь кипѣла еще такъ недавно. Древнія балаклавскія башни безмятежно наслаждаются прежнимъ своимъ безмолвіемъ, — и мало по малу разрушаются.

Греческій балаклавскій баталіонъ нынѣ уничтоженъ и Балаклава сдѣлана заштатнымъ городомъ таврической губерніи.

АЛУПКА.

Едва-ли прошло и полъ-вѣка, послѣ того, какъ на мѣстѣ, гдѣ теперь красуются волшебные сады и возвышается великолѣпный замокъ Алупки, зіяли страшныя пропасти, на днѣ которыхъ виднѣлись вывороченныя съ корнемъ деревья и множество змѣй пряталось подъ ихъ полусгнившіе стволы. Разорванныя гранитныя массы, взгромоздившись одна на другую, свидѣтельствовали о бывшихъ когда-то здѣсь страшныхъ землетрясеніяхъ. Цѣлыя горы, оторванныя отъ Яйлы внутреннимъ огнемъ, лежали разбросанныя вдоль берега моря. Среди этого хаоса громоздилась и лѣпилась къ скаламъ татарская деревня, плоскокрышимъ домикамъ которой грозила ежеминутно опасность быть раздавленными висящими надъ ней скалами. Виноградныя лозы, въ 2 –3 фута въ объемѣ, со всѣхъ сторонъ заплетали скалы, перебрасывая свои могучіе побѣги съ одной скалы на другую и точно стараясь удержать ихъ отъ паденія и прикрѣпить къ родной горѣ, отъ которой они были оторваны. Орѣховыя, гранатовыя, масличныя деревья, смоковницы и цѣлый лѣсъ многовѣковыхъ лавровыхъ деревъ подымались изъ среди этого хаоса, защищая жителей деревни отъ солнечнаго зноя и напоминая о прежнихъ, давно минувшихъ народахъ, насадившихъ ихъ здѣсь нѣкогда.

Остатки греческаго укрѣпленія или сторожевой башни, на берегу моря, и небольшой греческой крѣпости (*Алупка-Исарь*), находящейся по-выше хаоса, на отдѣльно стоящей неприступной скалѣ, и нѣсколько монетъ, найден-

Nach Phot. ... gest. v. Bernd ...

АЛУПКА. — Alupka.

ныхъ здѣсь, съ греческими надписями, временъ христіанства, свидѣтельствуютъ ясно, что здѣсь жили греки, и что они-то и были насадителями всѣхъ этихъ деревъ.

Дикость природы, до чрезвычайности живописное разрушеніе горъ, необыкновенно теплый климатъ Алупки, защищенной отъ сѣвера отвѣсною скалою *Ай-Петри*, возвышающейся на 3,798 ф. надъ уровнемъ моря, множество горныхъ потоковъ, берущихъ свое начало въ расщелинахъ Яйлы, – все это прельстило покойнаго князя М. С. Воронцова, и онъ пріобрѣлъ Алупку и сдѣладъ ее своимъ любимымъ мѣстопребываніемъ въ Крыму. Князь Воронцовъ, съ неподражаемымъ искуствомъ, съ удивительнымъ вкусомъ, съумѣлъ воспользоваться величественными и вмѣстѣ ужасающими красотами этой дикой и оригинальной мѣстности для созданья своей знаменитой Алупки: онъ развелъ тутъ свои волшебные сады и построилъ тотъ великолѣпный Алупскій дворецъ, который своею красотою справедливо восхищаетъ и поражаетъ всѣхъ путешествующихъ по Крыму.

Алупскій дворецъ стоитъ на обширной террасѣ, возвышающейся футовъ на 50 надъ уровнемъ моря; онъ весь окруженъ густою массою зелени, а за нимъ возвышается величественный Ай-Петри. На мѣстѣ дворца когда-то громоздились страшныя массы гранита, сброшенныя съ высоты горъ, — вѣроятно дѣйствіемъ подземнаго огня. Эти массы были взорваны порохомъ, обтесаны и даже отполированы; и они-то, превратившись въ гладкія отполированныя плиты прекраснаго гранита, послужили для сооруженія, т. е. для всей внѣшней отдѣлки этого чуднаго дворца, построеннаго въ видѣ массивнаго неправильнаго четвероугольника. Гранитъ, въ который одѣтъ весь Алупскій дворецъ и изъ котораго сдѣланы всѣ мельчайшія детали стѣнныхъ украшеній, изъ зелено-голубоватаго цвѣта, превосходно принимаетъ полировку, но чрезвычайно труденъ для обработки.

И легко себѣ представить по этому одному, какія громадныя суммы денегъ пошли на сооруженіе Алупскаго дворца. Архитектурный стиль этого замѣчательнаго строенія, это — искусное смѣшеніе стилей готическаго съ мавританскимъ. Всѣ эти колонки, башенки, мелкіе куполы, арабески и другія украшенія, въ видѣ кружевъ и фестоновъ, составляющіе наружный видъ дворца, все это сдѣлано изъ того же гранита, и все — самой тонкой.

изящной работы и смѣло можетъ поспорить съ украшеніями самыхъ великолѣпныхъ мавританскихъ построекъ. Знаменитая Алгамбра, какъ видно, была постоянно въ воображеніи архитектора, когда онъ задумалъ планъ Алупскаго дворца. Особенною прелестью отличаются балюстрада дома и внутри изящные камины съ превосходными рѣзными украшеніями, высѣченными въ цѣльномъ гранитѣ. Благодаря тому, что гранитъ, шедшій на отдѣлку дворца, находился почти тутъ-же, на мѣстѣ, камни кладены громадной величины, и оттого все строеніе пріобрѣло какой-то монументальный характеръ и вѣковую прочность.

По стѣнамъ, снизу до самой крыши, ползетъ темно-зеленый кавказскій плющь, что чрезвычайно гармонируетъ съ гранитными украшеніями. Крыша зданія, на которую всходятъ по прекрасной лѣстницѣ, устроена террасой, и отсюда открывается рѣдкій по своей прелести видъ: съ юга море, съ его скалистыми берегами; съ сѣвера Яйла, представителемъ которой на первый планъ выступаетъ гигантскій Ай-Петри; ближе къ дворцу возвышается среди зелени Алупская церковь; въ сторонѣ татарская деревня; вдали пестрѣютъ сосѣднія дачи съ бесѣдками, башнями, садами, и среди всего этого длинною полосою тянутся нескончаемые виноградники.

Дворецъ Алупскій былъ оконченъ въ 1837 году, къ самому пріѣзду въ Крымъ покойнаго Императора Николая Павловича съ Семействомъ, и высокіе посѣтители были первыми гостями новаго Алупскаго дворца. Радушный хозяинъ принималъ ихъ истинно по-царски. Всѣмъ современникамъ памятенъ этотъ пріѣздъ Августѣйшей Фамиліи на южный берегъ Крыма и Ея пребываніе въ Алупкѣ. Князь М. С. Воронцовъ устроилъ у себя тогда чисто-народный праздникъ. Вся Алупка, ея великолѣпные сады и всѣ скалы хаоса были дивно иллюминованы и горѣли разноцвѣтными огнями. Неприступныя возвышенности Ай-Петри, установленныя пылающими смоляными бочками, представляли чудную картину. Вся эта масса яркаго пламени отсвѣчивалась въ морской зыби. Огни были видны на весьма далекое разстояніе, и удивленные татары сбѣгались со всѣхъ сосѣднихъ деревень смотрѣть на рѣдкое для нихъ зрѣлище.

Къ пріѣзду Императора было также окончено и знаменитое южнобережское шоссе, или горная почтовая

Schloss zu alupka. Алупкій замокъ.

дорога отъ Алушты до Алупки, дорога, какихъ немного на Руси. Покойный Государь Императоръ былъ первымъ путешественникомъ по этой замѣчательной дорогѣ.

Алупскій дворецъ окружаютъ два сада — верхній и нижній и великолѣпный паркъ. Верхній садъ расположенъ среди хаоса, у подножья гигантскаго Ай-Петри. Тутъ, въ тѣни многовѣковыхъ деревъ, устроены прозрачные пруды, въ которыхъ плаваетъ форель; среди гранитныхъ скалъ, обвитыхъ плющемъ, разбросаны клумбы рѣдкихъ растеній; вокругъ нихъ сбѣгаютъ ручьи по выложенному разноцвѣтными камешками дну; въ глубинѣ огромныхъ утесовъ устроены прохладные, таинственные гроты; въ красивыхъ павильонахъ бьютъ фонтаны; лабиринты дорожекъ приводятъ то къ громадной скалѣ, съ площадки которой открывается весь садъ, а вдали пестрая татарская деревня — Алупка, съ красивой мечетью, построенной княземъ Воронцовымъ, вмѣсто бѣдной и ветхой мечети, существовавшей прежде, — то къ зеленой полянкѣ среди огромныхъ, заплетенныхъ festonами, деревьевъ, и сквозь густую зелень ихъ сіяетъ золотой крестъ Алупской церкви. А тутъ миньятюрное „Меридово озеро“, съ природной гранитной пирамидой посрединѣ. Изъ расположенныхъ не вдалекѣ оранжерей выглядываютъ дивныя растенія тропической почвы и свѣжій вѣтерокъ шевелитъ перистыми вѣтвями тутъ-же стоящихъ стройныхъ и высокихъ пальмъ.

Нижній садъ совершенно въ другомъ вкусѣ.

Это — чисто англійскій садъ, напоминающій самые прекрасные сады богатыхъ англійскихъ лордовъ. Онъ расположенъ на выровненной отлогости горы, спускающейся къ самому морю. Красивыя дорожки, среди роскошныхъ магноліи, павловній, мимозъ, олеандровъ и огромныхъ померанцевыхъ деревъ, вьются здѣсь по всѣмъ направленіямъ. Тутъ расположены клумбами массы камелій, ацалій и другихъ самыхъ чудныхъ и дорогихъ растеній: рощи громадныхъ кипарисовъ, какіе едва-ли встрѣчаются гдѣ либо на южномъ берегу Крыма; чудные цвѣтники, фонтаны, гранитныя лѣстницы рощицы лужайки, чугунныя рѣшетки, вазы, балюстрады, и всевозможная роскошная обстановка богатыхъ англійскихъ садовъ довершаютъ прелесть нижняго сада Алупки. Здѣсь-же, на берегу моря,

устроена красивая купальня, а въ концѣ сада находится вся увитая зеленью и засаженная великолѣпными кипарисами чистая и удобная гостинница для путешественниковъ. Между кипарисами, окружающими гостинницу, есть два историческихъ: говорятъ, ихъ посадилъ „великолѣпный князь Таврическій“, — Потемкинъ, во время путешествія въ Крымъ Екатерины II; такъ какъ они находятся близъ гостинницы, то ее и называютъ „Гостинницею двухъ кипарисовъ.“

Въ 1853 году скалистымъ берегамъ Алупки придавалъ особенно оригинальный видъ и невольно напоминалъ о тѣхъ временахъ, когда древніе греки называли берега Таврики „негостепріимными“, — остовъ погибшаго около Алупки большаго и прекраснаго русскаго парохода *Еникале*. Пароходъ этотъ довольно долго стоялъ здѣсь на берегу, качаясь среди скалъ, разбиваемый прибоемъ морскихъ волнъ.

[illegible]

DRIANDA. [illegible] Ὑρίαιρα.

ОРІАНДА.

Что можетъ быть очаровательнѣе и живописнѣе горной дороги, вьющейся мимо самыхъ великолѣпныхъ дачъ южнаго берега Крыма, которыми унизанъ этотъ берегъ, на разстояніи отъ Ялты до Алупки? Дорога эта, извиваясь зигзагами, тянется все вдоль морскаго берега и нечувствительно поднимается въ гору, достигая мѣстами до довольно значительной высоты (1800 фут.), — до самой подошвы неприступныхъ и стоящихъ отвѣсною стѣною скалъ хребта Яйлы. А между тѣмъ, вы ѣдете по этой замѣчательной дорогѣ въ какомъ хотите экипажѣ, съ какою хотите быстротою, и ѣдете вездѣ точно среди какого-нибудь роскошнѣйшаго англійскаго парка. Васъ поражаютъ здѣсь на каждомъ шагу и очаровываютъ невольно то роскошная и разнообразная зелень богатыхъ растеній, то дикіе утесы скалъ, громостящихся въ безпорядкѣ одна на другую, то мелькающія по сторонамъ великолѣпныя дачи, съ ихъ небольшими дворцами, готическими замками, башнями, красивыми домиками, которые буквально тонутъ въ самой роскошной зелени богатыхъ садовъ и въ клумбахъ и гирляндахъ великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ цвѣтовъ. Къ довершенію очарованія слѣва у васъ стелется необозримая морская гладь, которая блеститъ разноцвѣтными переливами на солнцѣ и незамѣтно сливается съ горизонтомъ и которую вы ни на минуту не теряете изъ вида; а съ права тянется хребетъ Яйлы, то заросшій лѣсомъ, то возносящійся къ верху дикими, обнаженными скалами и утесами — самыхъ странныхъ и прихотливыхъ очертаній.

На этой-то очаровательной дорогѣ, на седьмой верстѣ отъ Ялты и въ одной верстѣ съ половиною отъ Ливадіи, васъ остановитъ невольно величественный видъ на Императорскую *Оріанду*, принадлежащую теперь Его Императорскому Высочеству Великому князю Константину Николаевичу. Оріанда является влѣво отъ дороги и — вамъ кажется — лежитъ въ глубокой и пространной впадинѣ, обставленной со всѣхъ сторонъ грандіозными скалами, посреди которыхъ, на великолѣпной террасѣ, склоняющейся къ морю, поставленъ царскій дворецъ. Съ одной стороны дворца возвышается, на нѣсколько сотъ футовъ надъ уровнемъ моря, обрывистая, неприступная скала, на вершинѣ которой водруженъ большой позолоченный крестъ, а съ другой стороны, на скалѣ меньшей высоты, но не менѣе утесистой и не менѣе грандіозной по виду, высится легкая, сквозная бесѣдка на прекрасныхъ колоннахъ, построенная въ видѣ древняго греческаго храма. Вокругъ самаго дворца, на террасѣ и вокругъ дворцовыхъ строеній, стоящихъ неподалеку въ сторонѣ, вы видите цѣлое море зелени и группы огромныхъ, роскошно растущихъ деревъ и вы не можете не удивляться могучей растительной силѣ этого благодатнаго уголка земли. А у подножія дворца блеститъ и волнуется безпредѣльное море. Все это вамъ представляется при первомъ взглядѣ на Оріанду, все это вы видите уже съ большой дороги, по которой ѣдете. По спуститесь внизъ по хорошо устроенной, экипажной дорогѣ, которую вамъ укажетъ красивый караульный домикъ, съ башнею, стоящею у воротъ Оріанды, — и разнообразіе, обширность и рѣдкая красота живописныхъ видовъ этой дикой и вмѣстѣ величавой мѣстности васъ будутъ поражать на каждомъ шагу и на долго не изгладятся изъ вашей памяти.

Не далеко отъ воротъ, на превосходной террасѣ, съ которой уже открывается очаровательный видъ вглубь на всю Оріанду, стоитъ домъ для управляющаго, съ бѣлою башнею впереди. Вы спускаетесь далѣе, по дорогѣ вправо, ѣдете въ началѣ дороги подъ крытой аллеей, увитой виноградомъ. Вы достигаете нечувствительно до террасы, на которой стоитъ дворецъ, и отсюда восхищаетесь вполнѣ Оріандой, во всей ея суровой красотѣ. Глаза ваши поперемѣнно останавливаются то на нестройныхъ массахъ каменныхъ скалъ, подымающихся со всѣхъ сторонъ, то на глубокихъ впадинахъ, густо заросшихъ лѣсомъ, то на неприступныхъ скатахъ и отлогостяхъ горъ, спускаю-

Nach Photogr. gez. u. gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

SCHLOSS ZU ORLANDA. ЗАМОКЪ ВЪ ОРЛАНДѢ.

щихся къ самому морю и покрытыхъ яркою зеленью и огромными деревьями; а между ними съ шумомъ сбѣгаютъ къ морю свѣтлые горные ручьи и потоки. И посреди этого грандіознаго хаоса природы, вы встрѣчаете весьма искусно разбитый англійскій садъ; и дикіе мрачные утесы скалъ, зелень деревъ, горизонтъ моря смѣняются у васъ на каждомъ шагу и вы попеременно переходите отъ видовъ природы, самыхъ суровыхъ и дикихъ, къ самымъ веселымъ и восхитительнымъ. Вы вполнѣ понимаете, почему Императоръ Александръ I избралъ это мѣсто и хотѣлъ устроить здѣсь свою уединенную резиденцію, въ удаленіи отъ дѣлъ и въ одномъ сосѣдствѣ съ дивными картинами природы и съ близкими ему людьми.

Во время путешествія своего по Крыму, эта дикая мѣстность, своею уединенною красотою, своими мрачными и рѣдко живописными горами, высокими многовѣковыми деревьями и прозрачностью горныхъ ручьевъ до такой степени очаровала высокаго путешественника, что онъ рѣшился пріобрѣсти Оріанду*). Въ то время Оріанда принадлежала графу Кушелеву-Безбородко; но ея владѣлецъ оставлялъ ее въ томъ-же запустѣніи, въ какомъ она находилась съ давнихъ временъ, и единственной постройкой на ней была небольшая греческая или татарская хижинка. Хижинка эта была очищена и въ ней устроено было временное помѣщеніе для Императора въ его новомъ владѣніи, готовно уступленномъ ему графомъ Кушелевымъ-Безбородко.

Неприступныя скалы, съ ясными еще на нихъ слѣдами древнихъ укрѣпленій и жилищъ, страшныя пропасти, утесы, съ пространными площадками, съ которыхъ видѣнъ почти весь южный берегъ до Аюдага, густые лѣса, растущіе на отвѣсныхъ высотахъ, источники, сбѣгающіе каскадами по острымъ, сѣрымъ утесамъ, — все это послужило великолѣпною рамою для устроеннаго здѣсь англійскаго сада, для разведенныхъ виноградниковъ, для обширнаго, расчищеннаго среди многовѣковаго лѣса, парка и наконецъ для царскаго дворца, воздвигнутаго уже послѣ смерти Александра I, когда Оріанда, по желанію покойнаго Императора Николая Павловича, перешла къ его Августѣйшей супругѣ, Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

*) Прежде она называлась Ургенда, Урьанда (татары и теперь даютъ ей это послѣднее названіе). Императоръ Александръ I назвалъ ее Оріандой.

Низменное положеніе дворца, почти на берегу моря, громадные утесы и высочайшія деревья, его окружающія, придаютъ всему зданію дворца нѣсколько суровый и мрачный видъ; но тѣмъ не менѣе этимъ положеніемъ своимъ онъ вполнѣ отвѣчаетъ вкусу любителей строгихъ видовъ природы.

Архитектура дворца, простая и строгая, совершенно соотвѣтствуетъ мѣстности Оріанды. Видъ на дворецъ съ большой дороги и съ моря необыкновенно живописенъ. Все зданіе дворца обнесено террасами, на которыхъ красуются клумбы рѣдкихъ растеній и множество самыхъ богатыхъ цвѣтовъ; гирлянды розъ и другихъ вьющихся растеній роскошно увиваютъ всѣ балюстрады и балконы зданія. Особенно хорошъ балконъ, обращенный къ морю и поддерживаемый восемью богатыми каріатидами. Внутри дворца замѣчателенъ особенно такъ называемый „помпейскій дворикъ“; онъ украшенъ стѣнною живописью на манеръ живописи въ Помпеи и поддерживается большими колоннами изъ темнаго крымскаго мрамора, удивительной полировки и работы; потолокъ его стеклянный; по срединѣ бьетъ фонтанъ; по угламъ, у колоннъ, разставлены чудныя тропическія растенія.

Виды Оріанды отовсюду — съ балконовъ дворца, со скалы, на которой водруженъ крестъ, какъ, равно и со скалы съ павильономъ — самые обширные. Видны ялтинская бухта и Ялта, со всей ея очаровательной долиной, и весь берегъ далѣе до Аюдага. Маршалъ Мармонъ, путешествовавшій въ Крыму въ 30-хъ годахъ, справедливо говоритъ, что мѣстность Оріанды „и величественна и живописна и вмѣстѣ миловидна“; а острыя и обнаженныя скалы, господствующія надъ Оріандой, напоминаютъ, по его словамъ, „самые строгіе виды Альповъ.“ Съ одной изъ подобныхъ скалъ, спускающихся къ берегу моря, по острымъ камнямъ и въ глубокомъ ущельи, густо заросшемъ гигантскими деревьями, — съ шумомъ сбѣгаетъ величественный оріандскій водопадъ. Деревья, нависшія надъ водою, и ползучія растенія, цѣпляющіяся по скаламъ, придаютъ много дикости общей картинѣ водопада и невольно напоминаютъ дѣвственные лѣса Америки. Крымскія лани, пугливо пробѣгающія среди деревъ, еще болѣе усиливаютъ сходство этой мѣстности съ первобытною природою дѣвственныхъ лѣсовъ новаго свѣта.

Nach Photogr. ges. u. gest. v. Berndt & Bertrand in Leipzig

PALAST DES THRONFOLGERS.
Livadia

ДВОРЕЦЪ НАСЛѢДНИКА.
Ливадія

Verlag v. Emil Berndt in Odessa

ЛИВАДІЯ.

Первая изъ замѣчательныхъ дачъ южнаго берега Крыма, которую вы встрѣчаете на пути изъ Ялты въ Алушку, это *Ливадія*, дача Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны. На третьей верстѣ отъ Ялты уже стелятся богатые виноградники и открывается обширный паркъ Ливадіи, съ его бархатистыми лужайками и гигантскими деревьями, съ его красивыми клумбами рѣдкихъ растеній и роскошными цвѣтниками. Среди всего этого растительнаго богатства красуется дворецъ Государя Наслѣдника. Онъ построенъ въ восточномъ вкусѣ. Глубокіе балконы, въ видѣ кіосковъ, обнесены тонкими рѣшетками; а пестрота окраски и высокія трубы, въ видѣ тонкихъ башенокъ или минаретовъ, составляютъ удивительный эффектъ, среди массы растеній, его окружающихъ. Внутренняя отдѣлка дворца соотвѣтствуетъ его наружному виду. Широкіе диваны, ковры, небольшія, но уютныя комнаты — все дышетъ роскошною простотою и удобствомъ.

Красивая, легкая лѣстница ведетъ на крышу дворца, гдѣ устроена пространная терраса, также обнесенная рѣшетками. Надъ нею развертывается легкій навѣсъ для защиты отъ крымскаго жгучаго солнца. Видъ съ этой террасы самый пестрый и оживленный: кромѣ Яйлы и моря, этихъ роскошныхъ рамъ, въ которыя

вправлены всѣ картины природы южнаго берега Крыма, у подошвы дворца раскинулась вся Ливадія, съ ея садами, виноградниками, цвѣтниками и многочисленными постройками. Съ одной стороны видна Ялта, *Масандра*, *Никита*, во всей ихъ отдаленной красѣ; а съ другой — рисуются причудливые утесы Оріанды и вьется въ граціозно изломанныхъ кривыхъ линіяхъ, берегъ моря.

За дворцомъ Наслѣдника, ближе къ почтовой дорогѣ, стоитъ дворецъ Государыни Императрицы. Дворецъ, какъ вообще вся Ливадія, вполнѣ соотвѣтствуютъ тому назначенію, какое угодно было дать этому очаровательному убѣжищу его царственнымъ владѣтелямъ. Высокіе хозяева Ливадіи ищутъ здѣсь уединенія и отдыха отъ царственныхъ заботъ въ прекрасномъ климатѣ и посреди благодатной природы юга. Потому дворцы и всѣ зданія Ливадіи, не поражая ни особенною роскошью, ни обыкновеннымъ величіемъ царскихъ жилищъ, отличаются одною изящною простотою и удобствомъ. Царскій дворецъ Ливадіи — это прекрасный загородный домъ, отдѣланный съ чрезвычайнымъ вкусомъ, но и съ чрезвычайною простотою. Онъ построенъ еще прежнимъ владѣтелемъ Ливадіи, графомъ Потоцкимъ, и въ главныхъ частяхъ своихъ оставленъ почти безъ измѣненія. Онъ только нѣсколько увеличенъ пристройкою къ нему обширной галлереи; а находившаяся за этою галлереею католическая капелла графа Потоцкаго обращена въ небольшую, но отличающуюся строгимъ изяществомъ, православную церковь, въ византійскомъ стилѣ.

Въ пристройкѣ, сдѣланной съ одной стороны дома къ нижнему этажу и имѣющей видъ легкой стекляной галлереи (которая видна на нашей картинкѣ), помѣщается обширная столовая. Снаружи она вся увита виноградомъ, а внутри украшается цвѣтами и рѣдкими растеніями, посреди которыхъ бьетъ водометъ и поставлена статуя Пенелопы, изъ бѣлаго мрамора, принесенная Государынѣ Императрицѣ въ даръ одесскимъ купечествомъ.

Дворецъ Ливадіи главнымъ фасадомъ своимъ обращенъ на Ялту. Устройство переднихъ балконовъ, галлерей, оконъ и всѣхъ наружныхъ украшеній зданія обличаетъ весьма искуснаго художника въ его архитекторѣ и строителѣ. Передъ дворцомъ, на ровной площадкѣ, разбросаны клумбы южныхъ растеній и съ рѣдкимъ вкусомъ

Nach Photogr. gez. u. gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

Palast zu Livadia. — Дворецъ въ Ливадіи.

Verlag v. F.m.l. Berndt in Odessa.

разбиты цвѣтники; а немного поодаль, на небольшой покатости, устроена великолѣпная крытая аллея изъ розъ и другихъ вьющихся растеній, поддерживаемыхъ чугунными колонками; между этими растеніями особенно отличаются своею рѣдкою красотою и чрезвычайно нѣжнымъ запахомъ бѣлыя и блѣдно-палевыя розы. Вы входите въ эту аллею, или вѣрнѣе сказать, въ эту воздушную галлерею, по широкимъ уступамъ, или ступенямъ, сдѣланнымъ изъ портландскаго цемента. Отсюда, равно какъ и съ балконовъ и галлерей дворца, открывается рѣдко живописный видъ на Ялту, на окрестныя горы и на ялтинскую бухту. Переднюю часть картины составляютъ большой англійскій паркъ и обширные виноградники Ливадіи, между которыми разбросаны красивыя караулки для сторожей, построенныя въ видѣ павильоновъ, — внизу съ помѣщеніемъ сторожа, а на верху — съ платформой, обнесенной перилами.

Не менѣе прелестенъ видъ и по другую сторону дворца. Вы видите весь берегъ моря, до самаго алупскаго мыса, окаймленный великолѣпными дачами и идущіе извилинами у самаго подножія высокихъ скалъ, какъ-бы нависшихъ надъ волнами; у васъ передъ глазами вся Оріанда, съ ея дикими и гигантскими скалами и утесами; далѣе виднѣются *Гаспра*, *Кореизъ*, *Мисхоръ* и наконецъ Алупка. А по ниже Оріанды, къ самому морю, васъ останавливаетъ *Айтодарскій* мысъ, далеко выступающій въ море тремя, почти вертикальными утесами; и на одномъ изъ этихъ утесовъ, между зеленью громадныхъ хвойныхъ деревъ, бѣлѣетъ маякъ. Видъ этотъ особенно хорошъ въ лунную ночь, когда море какъ-бы дрожитъ подъ тихими лучами луны, и она обливаетъ своимъ фантастическимъ свѣтомъ всѣ береговые горы и утесы, всю зелень садовъ, между которыми, какъ блуждающіе огоньки, мерцаютъ огни изъ оконъ сосѣднихъ дачъ Ярко освѣщенный маякъ бросаетъ далекую полосу свѣта въ море и придаетъ что-то волшебное всей этой очаровательной картинѣ. Очарованіе довершаютъ запахъ лимонныхъ и апельсинныхъ деревъ, тихій плескъ волнъ и видъ глубокаго, синяго звѣзднаго неба. Все это напоминаетъ вамъ невольно прелестныя итальянскія виллы у береговъ Сициліи.

Ялта.

На всемъ южномъ берегу Крыма, богатомъ такими разнообразными и очаровательными картинами природы, едва-ли можно встрѣтить мѣстность болѣе живописную той, которую занимаетъ Ялта. Ученый швейцарецъ, Дюбуа де Монперо, путешественникъ столько же серьёзный и неутомимый, сколько и одаренный тонкимъ сочувствіемъ къ красотамъ природы, описывая ялтинскую долину, говоритъ: „De l'église la route va en descendant jusqu'a Jalta, et je puis dire qu'il n'y a rien en Crimée qui approche de l'effet majestueux qui produit la double vallée que s'ouvre dans les flancs de la muraille taurique. Huit fois je suis venu visiter ce superbe amphithéâtre, et la huitième fois m'étonne encore plus que la première. J'ai observé la vallée de Jalta de toutes les positions, et de partout elle est belle et grandiose.“*) И Дюбуа совершенно справедливъ; потому что Ялта и ея долина всегда производятъ сильное и глубокое впечатлѣніе на путешественника, впервые посѣщающаго южный берегъ Крыма, особенно когда онъ подходитъ къ Ялтѣ съ моря, на пароходѣ. Первое, что его поражаетъ — это подымающійся стѣною хребетъ Яйлы, возвышающійся у Ялты на 5 т. ф. надъ уровнемъ моря. Отходя отъ

*) Voyage autour du Caucase etc. et en Crimée T. VI, p. 57.

ЯЛТА JALTA

берега, не болѣе какъ на полъ-версты разстоянія, онъ изгибается полукругомъ, въ видѣ магометанской луны, и представляетъ изъ себя раму, въ которую вправлена миніатюрная, но до чрезвычайности картинная Ялта, съ своею бухтою, которая придана Ялтѣ, какъ-бы для украшенія, а не для того, чтобы служить гаванью для судовъ и пароходовъ. Вершины горъ, обрамляющихъ Ялту, голы и каменисты; а съ половины ихъ тянутся вѣчно-зеленые лѣса крымской сосны; внизу-же, у ихъ подножія, растилаются почти сплошною массою сады Аутки, Дерикоя и Айвасиля, богатѣйшихъ по своей растительности деревень, заключенныхъ въ ялтинскихъ долинахъ. Серебристыя горныя рѣчки и отдѣляющіеся отъ нихъ потоки, какъ лентами, опоясываютъ эти сады, теряясь въ ихъ массивной и до невѣроятности разнообразной зелени. Деревни Аутка, Дерикой и Айвасиль, расположенныя амфитеатромъ, красиво пестрѣютъ посреди своихъ садовъ, окруженные высокою стѣною пирамидальныхъ тополей.

Сама Ялта выстроена на сѣверномъ берегу своей бухты, или морскаго залива, заключеннаго между двумя мысами, и первый предметъ, который вамъ бросается въ глаза, когда вы приближаетесь къ ялтинскому берегу съ моря, — это церковь, стоящая направо, на уступѣ горы, выдающейся въ море; она чрезвычайно красивой архитектуры, съ довольно большимъ куполомъ по срединѣ, а по угламъ красуются еще четыре другихъ купола, поменьше. Церковная колокольня, черезъ которую открывается входъ въ самую церковь возвышается надъ куполами церкви и имѣетъ видъ готической башни. Церковь густо засажена кипарисами и другими вѣчно-зелеными деревьями и кустами, — что, вмѣстѣ съ оригинальной архитектурой церкви, производитъ поразительный эффектъ съ моря. Пониже церкви, влѣво, бѣлѣютъ и всѣ немногочисленныя строенія Ялты, которыя смотрятся въ море до того картинно, что не вѣрится, чтобы это былъ въ дѣйствительности городокъ, вмѣщающій въ себѣ болѣе тысячи душъ жителей, и до крайности оживленный въ лѣтній сезонъ, когда онъ наполняется путешественниками.

Расположенная надъ самымъ заливомъ, Ялта лѣпится вокругъ своего берега и тянется далѣе вверхъ къ отлогостямъ горнаго хребта, образуя, такимъ образомъ, амфитеатръ, верхній ярусъ котораго состоитъ изъ дачъ, съ красивыми домиками, совершенно потонувшими въ кипарисныхъ и лавровыхъ рощахъ и въ роскошныхъ цвѣтникахъ.

Среди нихъ разбросаны тамъ и сямъ скатившіеся когда-то съ Яйлы гранитные утесы, увитые плющемъ, страстоцвѣтомъ и другими вьющимися растеніями. Нижній ярусъ этого амфитеатра составляютъ уже собственно городскія строенія, стоящія почти у оконечности бухты, строенія — большею частію двухъ-этажные и красивой архитектуры. Надъ самымъ моремъ стоитъ фонтанъ, падающая вода котораго наполняетъ гранитную чашу. Набережная, съ гранитной балюстрадой, засажена деревьями и во время сезона почти всегда наполняется гуляющими. Тутъ стоитъ пестрый домикъ агентства русскаго общества пароходства и торговли и устроена небольшая, но довольно хорошая пристань, съ павильономъ. Тутъ пристаютъ пароходы; тутъ-же всегда бываетъ привязано множество лодокъ, а на рейдѣ качаются на волнахъ нѣсколько небольшихъ судовъ. За набережной, влѣво, опять пестрѣютъ небольшія дачи, — такія красивенькія и улыбающіяся и до такой степени завитыя розами и заросшія цвѣтами, что уютные домики ихъ почти всѣ скрыты въ этой пестрой массѣ зелени и цвѣтовъ.

Таковъ общій видъ Ялты, которая, какъ городъ, имѣетъ, собственно говоря, двѣ улицы: главную, идущую по набережной, гдѣ стоятъ всѣ лучшія постройки, и другую, идущею за нею, — внутреннюю улицу, гдѣ находятся лавки, базары и пр. Красивѣйшія дома на набережной — это — принадлежащіе экономіи царскаго имѣнья Ливадія, гдѣ помѣщаются — „клубъ южнаго берега Крыма“ и лучшіе магазины, домъ князя Воронцова, домъ г. Галахова и вновь построенное зданіе для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ.

Ялта сдѣлана уѣзднымъ городомъ только въ 1838 году, во время управленія Новороссійскимъ краемъ покойнымъ княземъ М. С. Воронцовымъ, который собственно и создалъ Ялту, построивъ ее на мѣстѣ, гдѣ въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ стояло двѣ-три греческихъ хижины, не болѣе; но въ древности на мѣстѣ нынѣшней Ялты находился довольно большой и значительный византійскій городъ и портъ, называвшійся *Галита* или *Ялита* (крымскіе греки и теперь такъ называютъ Ялту).

Городъ этотъ извѣстенъ и восточнымъ географамъ подъ именемъ *Джалита*. Онъ былъ обнесенъ стѣною и имѣлъ крѣпость внутри стѣнъ. Послѣ грековъ, ялтинскою крѣпостью завладѣли генуэзцы, а послѣ нихъ въ Ялтѣ

Ansicht von Jalta. Ялтинская бухта.

находился турецкій гарнизонъ. Слѣдовъ древняго города и укрѣпленія теперь не осталось въ Ялтѣ никакихъ. Въ 30-хъ годахъ были видны еще остатки древнихъ укрѣпленій и слѣды старинной греческой церкви, во имя св. Іоанна, на мысѣ на которомъ стоитъ и нынѣшняя ялтинская церковь, только по-ниже ее, къ самому морю. Но инженеры, строившіе въ то время моллу въ Ялтѣ, разрушили эти остатки древнихъ строеній и совершенно разворили древнія стѣны, употребивъ ихъ камни на постройку моллы, такъ что теперь не видно никакихъ слѣдовъ этихъ древнихъ построекъ. Въ наказаніе за такое невѣжественное обращеніе съ остатками древностей, построенная инженерами молла была разбита въ первое послѣ постройки волненіе моря, — и камни, служившіе единственнымъ воспоминаніемъ о древнихъ обитателяхъ Ялты, унесены въ море и навсегда покрылись морскими волнами.

АУТКА.

Посѣтители Ялты любуются обыкновенно ближайшими окрестностями ея изъ самаго города и спѣшатъ въ Ливадію, въ Оріанду, въ Алупку, не желая углубиться въ тѣ темно-зеленыя кущи, которыя разбросаны по скату Яйлы и такъ очаровательно окаймляютъ Ялту. Но на эту густую зелень южной растительности, на эту пестроту домиковъ — мало глядѣть изъ-дали; надо подняться въ греческую деревню *Аутку*, въ самый центръ этой зелени, и поближе подойти къ ея хорошенькимъ домикамъ, такъ кокетливо выглядывающимъ изъ подъ мрачныхъ, высокихъ кипарисовъ. Это недалеко, всего одна верста отъ Ялты, и дорога, ведущая въ деревню, своротивъ въ-право отъ почтовой дороги и подымаясь въ гору, такъ густо унизана садами, садиками и дачками, что вы и не примѣтите, когда очутитесь въ Аутклѣ.

Греческая деревня Аутка прежде была расположена въ долинѣ, по которой протекаетъ быстрый горный потокъ или рѣчка, которая также называется *Ауткой*. Но въ послѣдніе годы деревня такъ разрослась, что ей тѣсно стало у береговъ своей рѣчки, и она разметалась далеко по горной отлогости, спускающейся къ долинѣ, и украсилась многими прекрасными дачами и домиками, которые отдаются въ наемъ на лѣтній сезонъ пріѣзжимъ посѣтителямъ южнаго берега.

Nach Phot. [illegible] Berlin [illegible] Bertram [illegible]

Аутка. — Аутка.

Verlag v. Ed. Bertram [illegible]

Видъ представленный на нашемъ рисункѣ, даетъ ясное понятіе объ этихъ дачахъ и домикахъ.

Почти у подошвы сплошной стѣны горнаго кряжа Яйлы, возвышающейся у этого мѣста на 5,000 футовъ надъ уровнемъ моря, расположены здѣсь всѣ эти сады и дачи, принадлежащіе разнымъ владѣльцамъ; тѣ-же домики и дачи, которые по-ближе къ Ауткѣ, принадлежатъ преимущественно тамошнимъ грекамъ. Почти всѣ эти дачи окружены виноградниками, фруктовыми деревьями и хорошенькими цвѣтниками. Рѣзко отдѣляется посреди этихъ небольшихъ дачъ прекрасная и богатая дача г. Дундукова-Корсакова, расположенная на самой возвышенности. Огромный, превосходно-разбитый садъ и роскошные цвѣтники окружаютъ здѣсь домъ владѣльца. Видный затѣмъ, на лѣвой сторонѣ картины, садъ принадлежитъ къ дачѣ г. Галахова. А на право отъ ня, черезъ дорогу, ведущую въ Аутку, построены недавно два хорошенькіе домика, фантастической архитектуры, принадлежащіе ко вновь устроеннымъ здѣсь дачамъ кн. Голицына и барона Врангеля. Собственно деревни Аутки отсюда невидно; она скрывается за горою, изъ-за которой виднѣются только вершины многовѣковыхъ орѣховъ и другихъ деревъ, раскидывающихъ свои могучія вѣтви въ садахъ и надъ домиками ауткинскихъ жителей.

Какъ ни замѣчательна деревня Аутка по роскоши своихъ садовъ, по своей населенности и по прекраснымъ качествамъ и богатству воды въ своихъ фонтанахъ; но еще замѣчательнѣе, по своей удивительной прелести, тотъ видъ, который открывается изъ оконъ почти каждой ея дачки, изъ каждой аллеи ея садовъ. Съ-права, къ юго-западу, коническая гора *Мегаби* господствуетъ надъ всей картиной и служитъ ей рамою съ этой стороны. За нею виднѣются, почти надъ самымъ моремъ, сады Оріанды и Ливадіи; ближе къ Ялтѣ вьется почтовая дорога и у самаго моста пестрѣетъ красивая дача г. Лѣсиневича. Прямо на югъ рисуется вся Ялта, съ ея готическою церковью, стоящею влѣво на возвышенности, съ ея строеніями надъ моремъ и съ ея окрестными дачками, скрывающимися въ густой и темной зелени. Къ востоку, съ лѣвой стороны, обрамляетъ картину *Никитскій мысъ*, далеко выдающійся въ море, — и отъ него, по-среди темной зелени кипарисовъ, проглядываютъ строенія *Масандры* и другихъ сосѣднихъ дачъ.

Въ виду этой богатой горной картины синѣетъ море, въ безпредѣльномъ пространствѣ, и надъ нимъ ясное крымское небо.

Это такая панорама, прелесть которой не легко и скоро позабывается. Вся эта гармонія цвѣтовъ и тѣней неба, моря и зелени, вся эта пестрота довольно оживленной Ялты въ лѣтній сезонъ, особенно въ день появленія пассажирскаго парохода, производятъ въ зрителѣ необыкновенное очарованіе.

Nach Photogr. gez. u. gest. v. Brandt u. Bertrand in Leipzig

URSUF U. D. BÄRENBERG. Урзуфъ и Медвѣдь гора.

УРЗУФЪ и АЮДАГЪ

(МЕДВѢДЬ-ГОРА).

Урзуфская — или лучше — „гурзуфская“*) долина принадлежитъ едва-ли не къ самымъ очаровательнымъ уголкамъ южнаго берега Крыма по своей богатой и роскошной растительности и по удивительной прелести и вмѣстѣ грандіозности своей общей горной картины. Она лежитъ у небольшаго морскаго залива, имѣющаго видъ довольно хорошей, полугруглой бухты, замыкаемой съ одной стороны горою Аюдагомъ, а съ другой мысомъ Никита-Бурунъ, глубоко вдавшимся въ море. Отъ сѣвера и сѣверо-востока долина защищена хребтомъ Яйлы, покрытымъ на высотахъ густымъ сосновымъ лѣсомъ. Начиная отъ самаго Аюдага, тамъ и сямъ, разбросаны по долинѣ и у подошвы горнаго хребта громадныя каменныя массы, цѣлыя груды скалъ, отдѣльно стоящихъ, — самыхъ странныхъ и прихотливыхъ очертаній. Эти грандіозные слѣды геологическаго переворота, бывшаго когда-то на крымскомъ полуостровѣ, одинъ ученый геологъ (Дюбуа де Монпере) называетъ

*) Татары и прочіе жители Крыма вообще говорятъ Гурзуфъ, а не Урзуфъ; потому, кажется, правильнѣе держаться перваго названія, согласно съ мѣстнымъ произношеніемъ. Въ древности Гурзуфъ былъ извѣстенъ подъ разными именами: Гурзувита, Грузуи, Курзуфъ, Урзова и пр.

настоящимъ хаосомъ: Une montagne fracassée — говоритъ онъ — a semé le sol de ses débris et jusqu'au delà d'Oursouf — l'on marche au milieu d'un chaos. Такія каменныя громады стоятъ мѣстами у морскаго берега и показываются частію въ самомъ гурзуфскомъ заливѣ, какъ напримѣръ, двѣ огромныя сѣрыя скалы, изображенныя на нашемъ пейзажѣ.*) На одной изъ подобныхъ же скалъ, у входа въ деревню Гурзуфъ, — со стороны Аюдага, было устроено и древнее гурзуфское укрѣпленіе, картинныя развалины котораго видны еще и теперь.

Татарская деревня Гурзуфъ расположена амфитеатромъ и чрезвычайно живописно по скату холма, у подножія котораго бѣжитъ свѣтлый и богатый водою горный источникъ. Благодаря обилію воды, татарскіе домики Гурзуфа, съ ихъ плоскими крышами, буквально тонутъ въ цѣломъ лабиринтѣ свѣжей и яркой зелени, посреди огромныхъ орѣховыхъ деревъ, пирамидальныхъ тополей и фиговыхъ деревъ.

Но главное богатство и красоту гурзуфской долины конечно составляетъ прекрасная дача и очаровательный садъ г. Фундуклея, расположенный на холмистой мѣстности, спускающейся отъ самой почтовой дороги къ покатому берегу моря. По искуству, съ которымъ онъ разбитъ, по своему англійскому парку и по богатству рѣдкихъ южныхъ растеній, этотъ садъ принадлежитъ безспорно къ самымъ замѣчательнымъ садамъ южнаго берега Крыма. Посреди большаго и разнообразнаго собранія превосходныхъ деревъ и рѣдкихъ южныхъ растеній всѣхъ родовъ, какъ-то: гранатовыхъ, смоковничныхъ, каштановыхъ, лавровыхъ и многихъ другихъ вѣчно-зеленыхъ (sempervirens) южныхъ растеній, по всему саду массами подымаются мрачные кипарисы и стройные итальянскіе тополи, — что придаетъ общему ландшафту сада необыкновенную прелесть и изящество. Особенно богатъ рѣдкими, красивыми растеніями англійскій паркъ передъ самымъ домомъ, гдѣ красуются огромныя магноліи съ ихъ пышными бѣлоснѣжными цвѣтами, наполняющими воздухъ благоуханіемъ. Не менѣе прекрасны здѣсь всѣ rose

*) По измѣренію г. Дюбуа эти двѣ скалы, называемыя татарами просто Ташеларъ (камнями), возвышаются надъ водою на 170 и погружены въ волнахъ на 160 футовъ, слѣд. всего имѣютъ высоты 330 футовъ. Эта высота можетъ дать понятіе и о другихъ скалахъ гурзуфской долины.

rémontante: вы видите цѣлую аллею изъ розовыхъ деревъ, верхушки которыхъ покрыты розовыми, бѣлыми и пунсовыми цвѣтами, приколированными къ одному и тому же кусту. Великолѣпныя тополи составляютъ ограду Фундуклеевскаго сада со стороны моря, волны котораго тихо всплескиваются на покатый берегъ у самаго ихъ подножія.

Красивый господскій домъ въ этомъ богатомъ имѣніи г. Фундуклея поставленъ на весьма выгодномъ мѣстѣ и съ галлерей его открывается великолѣпный видъ на горы, на татарскую деревню на гурзуфскія скалы и на море.

Съ этимъ домомъ и вообще съ дачей г. Фундуклея соединено воспоминаніе о герцогѣ де Ришелье, бывшемъ Новороссійскомъ губернаторѣ, которому нашъ край такъ много обязанъ своимъ первоначальнымъ устройствомъ. Герцогъ Ришелье былъ первымъ владѣльцемъ Гурзуфа и домъ, построенный имъ здѣсь, былъ однимъ изъ первыхъ домовъ, первымъ началомъ русской колонизаціи на южномъ берегу Крыма, когда здѣсь не было еще ни дорогъ и никого изъ другихъ жителей, кромѣ татаръ. Ришелье завѣщалъ это имѣніе бывшему своему адъютанту, — потомъ извѣстному археологу, — Стемпковскому, отъ котораго оно было пріобрѣтено другимъ устроителемъ Новороссійскаго края, графомъ М. С. Воронцовымъ, и уже отъ графа Воронцова Гурзуфъ перешелъ къ его настоящему владѣльцу.

Но есть еще другое, дорогое для каждаго русскаго воспоминаніе, которое соединено съ именемъ Гурзуфа и съ домомъ на бывшей дачѣ герцога Ришелье. На этой дачѣ и въ этомъ домѣ жилъ одно время Пушкинъ, въ семействѣ генерала Раевскаго, одного изъ героевъ двѣнадцатаго года. Раевскій, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, возвращался (въ августѣ 1820 г.) съ кавказскихъ минеральныхъ водъ въ Крымъ, гдѣ въ то время проводило лѣто его семейство, на дачѣ герцога Ришелье въ Гурзуфѣ, которую онъ уступилъ для этого Раевскому, — своему товарищу по военной службѣ.

Жизнь въ Гурзуфѣ и обозрѣніе роскошныхъ береговъ Крыма оставили въ Пушкинѣ самыя живыя и поэтическія впечатлѣнія, которыя онъ передавалъ потомъ въ такихъ чудныхъ стихахъ и къ которымъ такъ часто

возвращался и въ стихахъ своихъ и въ письмахъ къ друзьямъ. Изъ Керчи до Гурзуфа Пушкинъ плылъ на военномъ бригѣ, отданномъ въ распоряженіе генерала Раевскаго. Въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ барону Дельвигу, онъ говоритъ объ этомъ плаваніи: „Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Гурзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли, плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аюдагъ.... кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море и блескъ и воздухъ полуденный..... Въ Гурзуфѣ жилъ я сиднемъ, — продолжаетъ Пушкинъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ. Я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ проснувшись ночью слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и привязался къ нему чувствомъ, похожимъ на дружество.“ Любимый кипарисъ Пушкина живъ до сихъ поръ въ Гурзуфѣ. Путешественники ходятъ къ нему и срываютъ съ него вѣтки на память о Пушкинѣ.

Нынѣшній Гурзуфъ есть древняя *Горзувита,* въ которой императоръ Юстиніанъ возстановилъ — вѣроятно и прежде существовавшую здѣсь — крѣпость. Крѣпость была построена на утесистой скалѣ, подымающейся къ верху двумя оконечностями (см. рисунокъ).

Скала эта возвышается нѣсколько на западъ отъ нынѣшней татарской деревни, и потому поставленная на ней крѣпость могла легко господствовать и надъ гурзуфской бухтой и надъ долиной. Крѣпость состояла изъ грубо, но солидно построенныхъ на извести каменныхъ стѣнъ и башенъ; основанія и развалины какъ тѣхъ, такъ и другихъ ясно видны еще и теперь. Въ этихъ развалинахъ замѣчаютъ двѣ системы укрѣпленій различныхъ эпохъ: верхнія укрѣпленія, связывающія двѣ оконечности скалы, считаютъ Юстиніановыми, а укрѣпленія, которыя шли на 6 саженей ниже отъ естественной площадки на скалѣ (до которой легко достигнуть), приписываютъ генуэзцамъ.

Тому, кто-бы захотѣлъ подняться на скалу, съ желаніемъ осмотрѣть эти историческія развалины, представилась бы рѣдкая по своей красотѣ и великолѣпію картина здѣшней горной природы. Рѣзко выдающійся предметъ на этой картинѣ конечно составляетъ Аюдагъ, который угрюмо спускается къ морю и полощется въ его волнахъ своимъ оригинальнымъ мысомъ. Округленная поверхность горы издали кажется совершенно лежащею на свѣтлыхъ морскихъ волнахъ, такъ что не нужно большихъ усилій воображенія, чтобы мысъ Аюдага признать за *бараній лобъ*, или *Κριουμετοπον* древнихъ — названіе, которое даютъ этому мысу нѣкоторые древніе географы. Но не безъ основанія также русскіе и татары называютъ Аюдагъ Медвѣдь-горою; онъ своею формою дѣйствительно можетъ напоминать лежащаго на водѣ или спящаго мѣдвѣдя.

АЛУШТА.

Алуштинская долина можетъ считаться одною изъ пространнѣйшихъ долинъ южнаго берега Крыма; орошаемая двумя рѣчками, она можетъ назваться также и самою плодороднѣйшею. Виноградные и фруктовые сады, табачныя плантаціи и хлѣбопахатныя поля тянутся по ней версты на три или четыре. Множество дачъ садовладѣльцевъ, — хотя не особенно богатыхъ, — разбросано по всему протяженію долины; вино ея, хорошо выдержанное, нимало не уступаетъ винамъ изъ лучшихъ виноградниковъ въ другихъ мѣстахъ южнаго берега Крыма.

Алуштинская долина расположена между отлогими горами, спускающимися отрогами отъ главнаго хребта крымской горной цѣпи. Къ сѣверу она замыкается гигантскимъ шатромъ *Чатырдага*, къ западу — мохнатою верхушкою *Бабугана-Яйлы*, къ востоку причудливою и очаровательною горою *Демерджи*, съ ея какъ-бы барельефными украшеньями, изсѣченными въ скалахъ могучимъ художникомъ — природою.

Въ одной изъ этихъ скалъ, дѣйствительно имѣющей форму человѣческаго бюста, хотятъ видѣть бюстъ императрицы Екатерины II. Къ югу долина замыкается песчанымъ берегомъ моря и вѣчно-плещущими, синими волнами его.

Geo. v. Fenaks, Chas. Ferrand u. Bertrand in Leipzig

ALUSCHTA. — ALYHTA.

Татарская деревня Алушта, изображенная на нашемъ рисункѣ, находится почти у самаго берега. Плоскокрышіе домики ея, громоздясь одинъ на другой, лѣпятся по крутому утесу надъ рѣчкою *Улу-узенъ*. Безчисленные сады и свѣжіе, зеленые луга унизываютъ рѣчку; могучія вѣтви гигантскихъ орѣховыхъ деревъ клонятся надъ послѣдними рядами татарскихъ домиковъ, совершенно скрывая ихъ подъ своею тѣнью и богатою листвою. Тутъ же, надъ орѣхами, на лугу стоитъ небольшая мечеть, съ красивымъ минаретомъ. Двѣ старинныя высокія башни служатъ единственнымъ воспоминаніемъ много-вѣковаго существованія Алушты или *Алустона*, какъ называлась она у древнихъ. Время еще не успѣло сокрушить эти древнія башни; онѣ высятся среди деревни и чрезвычайно гармонируютъ съ небольшой, но очень красивою церковью готической архитектуры, которая занимаетъ самое возвышенное мѣсто въ деревнѣ. Не далеко отъ церкви, подъ горою, находится фонтанъ очень хорошей воды, куда, два раза въ день, приходятъ за водою татарскія дѣвушки, съ свѣтлыми металлическими кувшинами на плечахъ, имѣющими форму античныхъ амфоръ. Тутъ можно не рѣдко встрѣтить очень хорошенькое личико, съ насурмленными бровями и въ красныхъ фескахъ или шапочкахъ, изъ подъ которыхъ выпадаетъ множество мелко-заплетеныхъ косъ.

Почтовая дорога пролегаетъ посреди Алушты, раздѣляя ее на двѣ половины. Съ одной стороны находится татарская деревня, а съ другой тянутся сады, виноградники, табачныя плантаціи. Между всѣмъ этимъ растительнымъ богатствомъ бѣлѣютъ домики садовладѣльцевъ, окруженные розами, кипарисами, тополями и другими свойственными южному берегу Крыма растеніями.

Надъ самой почтовой дорогой стоитъ опрятный и просторный станціонный домъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ галлереями. Противъ него, немного наискось, среди виноградника видѣнъ на холмѣ довольно красивый домикъ г-жи Браилко; онъ замѣчателенъ тѣмъ, что построенъ на мѣстѣ древняго кладбища. Когда рыли здѣсь фундаментъ для дома, лѣтъ около 30 тому назадъ, то нашли много древнихъ монетъ и нѣкоторыя другія мелкія вещицы. Подлѣ этого домика и теперь находится нѣсколько могилъ, покрытыхъ грубо обтесанными каменными

большими плитами, подъ которыми земля до того осѣла, что видны кости и черепы древнихъ обитателей Алустона и, можетъ быть, даже и строителей самой крѣпости, остатки которой мы видимъ въ Алуштѣ и понынѣ.

Спускаясь по Симферопольской почтовой дорогѣ отъ станціи *Таушанъ-Базаръ*, Алушта представляетъ чрезвычайно живописный ландшафтъ и кажется укрѣпленнымъ городкомъ. Высокіе пирамидальные тополи, опоясывающіе деревню со всѣхъ сторонъ, представляются неприступными крѣпостными стѣнами, а высокія башни, окруженныя татарскими домиками, кажутся издали средневѣковыми замками. Но чтобъ имѣть полное понятіе о прелести Алушты и объ алуштинской долинѣ вообще, нужно смотрѣть на нее съ ялтинской почтовой дороги, поднявшись не болѣе версты отъ деревни. На-лѣво представляется мрачная, покрытая лѣсомъ гора *Бабугань-Яйла*, съ ея разнообразными отрогами, спускающимися къ морю, одѣтыми яркою зеленью лѣсовъ и кустарниковъ; горныя отлогости перерѣзаны оврагами и ручьями, которые текутъ посреди дикихъ каменныхъ утесовъ. Далѣе синѣетъ вершина Чатырдага, у подошвы котораго, среди лѣсовъ, раскинулась деревня *Корбеклы*, съ своими безчисленными потоками, дающими начало рѣчкѣ *Улу-узень*, которая орошаетъ тѣнистые сады Алушты; еще далѣе, къ востоку, возвышается гора Демерджи, сталактитовые бока которой играютъ на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги; между этими сталактитовыми украшеніями, образующими колонны, пирамиды и даже бюсты, пестрѣютъ татарскіе домики деревни Демерджи, раскинутые въ живописномъ безпорядкѣ; посреди нихъ серебрится на солнцѣ быстрый потокъ, который, освѣживъ и поливъ всѣ сады, сгруппировавшіеся вокругъ его русла, бѣжитъ чрезъ Алушту, среди громадныхъ тополей и наконецъ теряется въ морѣ. Вѣковые орѣхи, фруктовые сады и виноградники представляютъ безконечную массу зелени, изъ-за которой выглядываютъ домики деревни Алушты, съ ея классическими башнями посреди; а тамъ далеко, далеко тянутся *Судакскія* горы, то темныя и мрачныя, съ остроконечными вершинами, то свѣтлыя, то серебристо-розовыя, мѣняя постоянно оттѣнки, по мѣрѣ того, какъ освѣщаетъ ихъ солнце.

Алушта, сколько извѣстно, была укрѣпленнымъ греческимъ городомъ, называвшимся *Алустонъ* и, надо думать, — была городомъ довольно значительнымъ, потому что Алустонъ имѣлъ своего епископа. Башни, стоящія

здѣсь и понынѣ, были построены по приказанію императора Юстиніана въ VI вѣкѣ, въ одно время съ укрѣпленіями Гурзуфа. Еще недавно въ Алуштѣ находилось три башни; но такъ какъ одна изъ нихъ начинала отъ времени (и оттого, что брали изъ нея камни) грозить паденіемъ, то вмѣсто того, чтобы поддержать ее, было приказано, къ сожалѣнію, — ее разрушить; можно ожидать, что скоро въ Алуштѣ не останется ни одного воспоминанія о временахъ классической древности; разберутся и послѣднія двѣ башни ея, и камни ихъ пойдутъ на постройку какой нибудь станціи или конюшни. Нельзя не пожалѣть о томъ, что у насъ такъ небрежно обращаются вообще съ историческими памятниками всякаго рода и такъ мало дорожатъ ими.

СУДАКЪ.

Нынѣшній Судакъ поражаетъ воображеніе путешественника только своими живописными развалинами. А было время, когда Судакъ (*Сугдаія* у древнихъ грековъ, *Солдаія* у генуэзцевъ и *Сурожъ* у русскихъ) былъ однимъ изъ многолюднѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ Крыма; когда онъ соперничалъ нѣкоторое время даже съ славнымъ нѣкогда, по своей торговлѣ, Херсонесомъ. Во времена византійскихъ грековъ Судакъ имѣлъ собственныхъ, отдѣльныхъ правителей и епископскій престолъ. Между епископами *Сугдаіи* извѣстенъ святостію своею и подвижническою жизнію Стефанъ, названный Стефаномъ *Сурожскимъ*.

Въ портѣ Сугдаіи стояли тогда сотни купеческихъ судовъ, приходившихъ со всѣхъ сторонъ торговаго міра; базары Сугдаіи были завалены драгоцѣнными мѣхами Сибири и товарами Индіи и Китая. По улицамъ города сновали иностранцы всѣхъ возможныхъ націй. Къ богатымъ церквамъ и монастырямъ сугдайскимъ стекались тысячи усердныхъ богомольцевъ, и ревностно украшали ихъ своими приношеніями, - драгоцѣнными каменьями, золотомъ и серебромъ. Городъ былъ защищенъ неприступными твердынями крѣпости, былъ обнесенъ высокими каменными стѣнами, которыя перерѣзывались башнями и имѣли нѣсколько гигантскихъ воротъ.

Когда генуэзцы завладѣли Сугдаею, они еще болѣе укрѣпили городъ, еще выше подняли сторожевыя башни и крѣпостныя стѣны. И турки, осадивъ *Солдаію*, только голодомъ заставили сдаться находившійся въ ней храбрый итальянскій гарнизонъ.

[illegible] v. Fenner Dent v. Berndt u. Bertrand in Leipzig

Sudak. — Судакъ.

[illegible] Bernd[illegible] in O[illegible]

Что же осталось теперь отъ неприступнаго, многолюднаго города? Остались однѣ нѣмыя, разрушенныя временемъ и разхищенныя невѣжествомъ, развалины великолѣпныхъ готическихъ построекъ; осталось вѣчно плещущее, порою бурное, клокочущее, порою нѣжно-воркующее море, да эти скалы, которыхъ не можетъ сокрушить ни время, ни невѣжество, ни волны морскія.

И какъ живописны, какъ величественны эти развалины и скалы, ихъ поддерживающія! Взгляните на рисунокъ, изображающій мѣстоположеніе древней Сугдаи. Вотъ обнаженный выдающійся въ море, округленный утесъ. На немъ, на самой вершинѣ, подымаются стѣны и башни укрѣпленія и спускаются, по покатости утеса, къ сѣверу и къ западу. Высокія и толстыя стѣны перерѣзаны разнообразными башнями. Самая высокая часть укрѣпленія отдѣлялась отъ другихъ частей крѣпости особенными стѣнами. Къ западу стѣны спускались къ морю, гдѣ находился городъ, надъ самымъ заливомъ. Далѣе, возвышается обрывистая, величественная *Соколиная гора*, которая служила естественною защитою для Сугдаи съ сѣвера. Еще далѣе, на самомъ берегу моря, стоитъ фантастическій, остроконечный утесъ и какъ бдительный, неутомимый часовой сторожитъ входъ въ заливъ. А тамъ, еще далѣе, на западѣ, извиваясь вдоль моря синѣютъ береговыя горы, предѣломъ которыхъ служитъ Аюдагъ.

На-лѣво берегъ также окаймленъ скалистыми горами и оканчивается выдавшимся въ море обнаженнымъ мысомъ *Меганомъ*.

Весь этотъ видъ съ моря отличается чрезвычайною величественностію. Онъ въ тоже время мраченъ и суровъ. Тутъ невидно ни зелени, ни деревьевъ; взорамъ вашимъ представляются только дикія скалы, море, да горизонтъ неба.

Скала, на которой построена крѣпость, неприступна со стороны моря; но къ ней легко дойти со стороны долины, гдѣ открывается обширная терраса, которая была защищена громаднымъ валомъ и десятью башнями. И когда вы, по развалинамъ, доберетесь до самой верхней башни, составляющій со стороны моря предѣлъ крѣпости; то глазамъ вашимъ представится изумительно прекрасная картина: съ одной стороны море, дикія скалы и горные утесы; а съ другой — зеленѣющая, на далекое пространство, долина.

Башня, о которой мы говоримъ, построенная надъ самымъ обрывомъ скалы, называется теперь у татаръ *Кызг-Куле* (Дѣвичья башня). Въ ней, говоритъ преданіе, жила какая-то изъ владѣтельницъ Сугдаіи.

Хотя всѣ эти полуразвалившіяся башни и стѣны, какъ слѣды изчезнувшей, — нѣкогда славной жизни, — и произведутъ въ васъ невеселое впечатлѣніе; но подъ самыми стѣнами крѣпости разбросано нѣсколько домиковъ нѣмецкихъ колонистовъ, окруженныхъ тѣнистыми деревьями, незатѣйливыми цвѣтниками и огородами. Домики эти пріютились почти у самыхъ стѣнъ древней крѣпости и составляютъ поразительный контрастъ, своимъ скромнымъ видомъ и обыденнымъ характеромъ земледѣльческой жизни, съ этими грозными твердынями готическихъ временъ, напоминающими иную жизнь, иныхъ людей, иные нравы и обычаи. Веселые крики ребятишекъ, играющихъ у самыхъ воротъ крѣпости, пасущійся по близости скотъ и вся эта житейская суета придаютъ оттѣнокъ жизни мертвенному запустенію древняго города. А открывающійся далѣе видъ на знаменитую „Судакскую долину“, которая отличается такою могучею растительною жизнію и такою роскошью и богатствомъ природы, — еще болѣе измѣняетъ характеръ пейзажа. Чудная зелень садовъ, луговъ, виноградниковъ тянется по всему пространству долины, среди горъ, на разстояніи двухъ или болѣе верстъ въ ширину, и версты на три въ длину. Быстрая рѣчка *Сууке-у*, съ множествомъ ручьевъ и потоковъ, разливается посреди садовъ, перерѣзывая ихъ по всѣмъ направленіямъ. Сельскіе домики, различныхъ видовъ, пестрѣютъ между деревьями; красивая церковь занимаетъ самое возвышенное мѣсто на площадкѣ. Нескончаемые аллеи тополей уходятъ въ неопредѣленную даль, скрываясь за цѣпью самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ горъ и холмовъ, за которыми виднѣются вдали очерки другихъ сосѣднихъ долинъ и живописно разсыпавшихся между ними горныхъ деревень.

Na F. Pl. [illegible] Bernd. Bertrand in Leipzig

St Stephanskloster — — Скитъ св. Стефана
in Kisiltasch въ Кизильташъ

КИЗИЛЬТАШЪ

И СКИТЪ СВ. СТЕФАНА СУРОЖСКАГО.

Верстахъ въ тридцати отъ Судака, между двумя прекраснѣйшими долинами въ Крыму — *Отузской* и *Козской*, посреди дикой и уединенной мѣстности, возвышается гигантская скала, красноватаго цвѣта; отчего она и названа татарами *Кизиль-таш*, т. е. „красный камень“, или *Кизильташ-кая* — „скала краснаго камня.“ Скала эта съ одной стороны подымается совершенно отвѣсною стѣною и имѣетъ ужасающій видъ. Она почти лишена растительности; но подошва скалы окружена густымъ и чуднымъ лѣсомъ, который тянется на далекое разстояніе.

На вершинѣ дикой Кизильташской скалы водруженъ крестъ, который служитъ теперь для путешественника явнымъ признакомъ того, что онъ долженъ встрѣтить въ этой дикой пустынѣ какое-либо мѣсто христіанскаго благочестія. И дѣйствительно, когда вы ѣдете изъ Судака, въ виду всей этой превосходной горной панорамы, окаймленной темною зеленью лѣсовъ, и когда вы взберетесь на одну изъ высотъ, съ которой глазамъ вашимъ откроется видъ на кизильташскую скалу, то у подножія ея, въ самомъ дикомъ урочищѣ, густо-поросшемъ лѣсомъ, вы замѣчаете церковь, съ подымающимся надъ нею небольшимъ византійскимъ куполомъ и крестомъ, и нѣсколько

бѣлѣющихъ сквозь лѣсную чащу домиковъ. Это и есть „скитъ св. Стефана Сурожскаго“ или „Кизильташскій монастырь“, какъ здѣсь привыкли обыкновенно его называть въ народѣ.

Нельзя было выбрать мѣстности для монастырской обители и для иноческаго пустынножительства болѣе уединенной и суровой и въ тоже время – болѣе живописной, по дикой красотѣ своей. Кизильташъ — безспорно одна изъ замѣчательныхъ мѣстностей въ горной части феодосійскаго уѣзда.

Скитъ св. Стефана сурожскаго устроенъ въ очень недавнее время въ Кизильташѣ: по вытекающій здѣсь изъ одной пещеры или грота источникъ, съ незапамятныхъ временъ, — быть можетъ, съ первыхъ вѣковъ водворенія христіанства въ Крыму, пользуется въ народѣ славою цѣлебнаго и святаго. Въ гротѣ, изъ котораго онъ вытекаетъ, находилась древняя церковь, съ старинными образами и изображеніями святыхъ по стѣнамъ грота.

Этотъ гротъ, или пещера въ скалѣ, заслуживаетъ вообще вниманія путешественника. Татары ее называютъ *Кизильташ-коба* (Кизильташская пещера). Она не особенно велика и изсѣчена въ сѣромъ камнѣ. Въ вершинѣ пещеры существуетъ отверстіе, черезъ которое, во всякое время года, вливается, съ высоты одной сажени съ небольшимъ, тонкая и свѣтлая струя воды и падаетъ перпендикулярно въ небольшой натуральный бассейнъ, находящійся прямо противъ отверстія, — и потомъ, наполнивъ бассейнъ, вытекаетъ изъ грота.

Вода этого источника прозрачна, какъ кристаллъ, свѣжа и очень хороша на вкусъ. Въ цѣлебную силу этого источника вѣрятъ и питаютъ уваженіе къ святости этого мѣста не только христіане, но и татары. Они, равно какъ и христіане, съ давнихъ временъ стекались сюда на богомолье и привозили для исцѣленія водою источника своихъ больныхъ. Это и послужило поводомъ знаменитому духовному оратору и архипастырю русской церкви, Инокентію, учредить въ Кизильташѣ скитъ св. Стефана Сурожскаго.

Gez. v. Fessler Gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig

Das Koktebellgebirge — Коктебельскія горы.

bei Theodosia. бл. Θеодосіи

Verlag v. Emil Berndt in Odessa

КОКТЕБЕЛЬ.

Берегъ моря отъ Судака до Ѳеодосіи, и по природѣ своей и по своему очертанію, далеко не имѣетъ той живописной горной красоты и того растительнаго богатства, которыми отличается берегъ моря отъ Судака по направленію къ Ялтѣ и далѣе, до самой крайней оконечности южнаго берега Крыма, за Байдарскими воротами.

Берегъ отъ Судака по направленію къ Ѳеодосіи имѣетъ совершенно иной характеръ; онъ предетавляется довольно дикимъ и почти лишеннымъ зелени; растительность его бѣдна, суха и имѣетъ печальный видъ. Мѣстами берегъ обрывистъ и загроможденъ скалами, мѣстами — открытъ и не защищенъ. Тамъ, гдѣ высокія скалы окаймляютъ берегъ, выдвигаясь въ море отдѣльными мысами, — скалы эти образуютъ то тамъ, то здѣсь небольшіе морскіе заливы. И за этими заливами, начиная отъ Ѳеодосіи, растилаются обыкновенно, - сначала небольшія, а чѣмъ далѣе къ Судаку, тѣмъ все болѣе пространныя долины, которыя уже украшены всею роскошью растительности, — рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ примыкающаго къ нимъ пространства, которое собственно

составляетъ морской берегъ. Къ такимъ пространнымъ и плодороднымъ долинамъ, на разстояніи между Ѳеодосіей и Судакомъ, принадлежатъ въ особенности долины *Отузская* и *Козская*.

Но, не доѣзжая верстъ пять или шесть до Отузской долины и до береговыхъ скалъ ея, образующихъ здѣсь очень красивый морской заливъ, на самомъ берегу моря расположена небольшая татарская деревня *Коктебель*. Она ничѣмъ особеннымъ не примѣчательна, но очень замѣчательны, по своей формѣ и строенію, тѣ береговыя скалы и горы, въ виду которыхъ она раскинулась. Тутъ далеко выдвинулся въ самую глубь моря довольно высокій и мрачный мысъ, имѣющій самую оригинальную форму очертанія. Его почти черный цвѣтъ и мрачный видъ — вѣроятно послужилъ поводомъ для татаръ дать ему названіе *Карадагъ* что значитъ *черная гора*. Непосредственно за Карадагомъ, отступивъ нѣсколько отъ моря, возвышаются такъ называемыя *Коктебельскія горы*, и одна изъ нихъ, которая собственно и слыветъ подъ именемъ горы *Коктебель*, имѣетъ чрезвычайно живописную конусообразную форму. У подошвы этихъ горъ простирается довольно красивая долина; но растительность ея не такъ богата и населенность далеко не такъ многочисленна, какъ растительность и населенность слѣдующихъ за нею долинъ — Отузской и Козской. Тѣмъ не менѣе черные и суровые утесы Карадага, подымающагося отвѣсною стѣною прямо изъ глубины моря, вмѣстѣ съ коктебельскими высотами и долинами, заключенными среди нихъ, — представляютъ весьма оригинальную и живописную горную картину.

Коктебельскія и карадагскія высоты замѣчательны еще по отношенію къ геологическому строенію и природѣ Крымскаго полуострова. Отъ нихъ собственно начинается горная часть Крыма: высокія пики Карадага и Коктебеля — это начало, передовые посты той горной цѣпи, которая такъ живописно опоясываетъ весь южный и юговосточный берегъ полуострова. Далѣе, за ними, уже простирается обширная равнина; холмы и горы постепенно исчезаютъ, почва значительно понижается, берега моря становятся отлогими, — степи, которыя составляютъ всю сѣверную часть полуострова, простираясь на востокъ отъ Ѳеодосіи до самаго Босфора Киммерійскаго или Керчи, — вступаютъ наконецъ въ свои права. И если вы, миновавъ деревню Коктебель, взойдете на одну изъ

близъ стоящихъ возвышенностей и окинете отсюда взорами окрестность, то вамъ представится самое оригинальное и живописное зрѣлище: по одну сторону коктебельскихъ и карадагскихъ высотъ широко растилается, до краевъ горизонта, необозримая степная гладь, а по другую — извиваются скалистые берега моря, виднѣются, какъ въ туманѣ, оригинальныя контуры самыхъ отдаленныхъ горъ, а поближе къ вамъ зеленѣетъ въ глубинѣ Отузская долина, съ ея свѣжими лѣсистыми полянами и обильными горными потоками и ручьями, которые далеко серебрятся на солнцѣ.

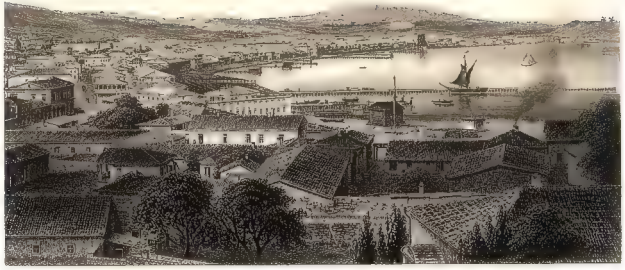
ѲЕОДОСІЯ.

Ѳеодосія или *Кафа**) расположена на берегу одного изъ красивыхъ и удобнѣйшихъ заливовъ Чернаго моря. Она была нѣкогда, въ давно минувшія времена, богатымъ и цвѣтущимъ городомъ. Занимаясь обширною торговлею, окруженная тучными, плодородными полями, она снабжала хлѣбомъ Грецію. Но напавъ варваровъ, — какъ предполагаютъ, — *аланов* — разорилъ и разрушилъ богатый городъ до основанія, такъ что вскорѣ не осталось и слѣдовъ его.

Съ тѣхъ поръ прошло много вѣковъ. Ѳеодосія была забыта. И на мѣстѣ, гдѣ когда-то красовались прекрасные храмы древне-греческихъ боговъ, не разъ проходилъ плугъ хлѣбопашца.

Въ XIII вѣкѣ коммерческій и предпріимчивый геній генуэзцевъ, развивая свою дѣятельность отъ Средиземнаго моря до Меотиды, унизалъ берега морей — Мраморнаго, Чернаго и Азовскаго своими торговыми пристанями, конторами и городами, между которыми „Кафа генуэзская“ почиталась царицею. Она поднялась на пепелищѣ древней, греческой Ѳеодосіи. На пустынномъ берегу воздвиглись дворцы, церкви, крѣпости, обнесенныя несокрушимыми

*) Городъ этотъ, подъ послѣднимъ названіемъ, и теперь еще болѣе извѣстенъ въ Европѣ, нежели подъ именемъ Ѳеодосіи.



Nach Photographie gez. u. gest. v. Herndt u. Hartmann in Leipzig

THEODOSIA
von Osten

ΦΡΟΔΟΓΙΑ
СЪ ВОСТОКЪ

стѣнами. Въ портъ безпрерывно входили и выходили купеческіе корабли, нагруженные товарами, со всѣхъ концовъ свѣта. Разные народы, угнетенные на своей родинѣ, стремились въ Кафу, гдѣ были увѣрены найти не только пріютъ, но свободу вѣроисповѣданія и удобства жизни. Въ Кафѣ строились церкви — армянскія, греческія, синагоги еврейскія, мечети мусульманскія.

Но не многовѣчна была жизнь Кафы. Въ 1475 году солнце ея славы и могущества затмилось навсегда, и надъ городомъ взошла луна Магомета, распространивъ мракъ невѣжества надъ берегами Чернаго моря, гдѣ царствовала прежде бодрая итальянская цивилизація.

Турки, впрочемъ, не разрушили Кафу; они гордились ею, украшали ее прекрасными зданіями и дѣятельно поддерживали ея торговлю. Турки называли Кафу „малымъ Стамбуломъ“ и „перломъ“ между городами Крымскаго полуострова.

Когда Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи, то стѣны генуэзской крѣпости, со всѣми ихъ башнями, были еще почти цѣлы; но войска, завладѣвшія городомъ, и потомъ новые жители постепенно разрушали ихъ, равно какъ и великолѣпныя турецкія мечети, бани и другія красивыя зданія Кафы, употребивъ матеріялъ съ нихъ на постройку своихъ невзрачныхъ домовъ, казармъ, карантина и пр.

Извѣстный англійскій путешественникъ, *Кларке*, бывшій въ Крыму въ началѣ настоящаго столѣтія, разсказываетъ, что во время пребыванія его въ Кафѣ, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ люди срывали свинцовыя крыши съ одной изъ великолѣпнѣйшихъ въ городѣ мечети. Онъ видѣлъ, по его словамъ, въ какое страшное негодованіе пришли отъ этого жители, и одинъ изъ нихъ, обратившись къ Кларке, сказалъ по-гречески: „о скиоы, скиоы!“

Удивительные водопроводы, съ свинцовыми трубами, устроенные генуэзцами и тщательно поддерживаемые турками, были также разрушены, всѣ украшенія фонтановъ, да и большая часть самихъ фонтановъ уничтожены.

Такимъ образомъ, изъ красивой и богатой Кафы нынѣшняя Ѳеодосія превратилась въ небольшой и незначительный уѣздный городокъ, который не имѣетъ даже порядочной воды для питья. И теперешнія постройки

Ѳеодосіи, не смотря на то, что между ними есть довольно красивыхъ домовъ, представляются такими незначительными въ сравненіи съ тѣми постройками старой Кафы, развалины которыхъ такъ гордо возвышаются и до сихъ поръ надъ городомъ, лежащимъ у ихъ подножія.

Рисунокъ нашъ, изображающій видъ Ѳеодосіи, представляетъ на первомъ же планѣ одну изъ этихъ величественныхъ развалинъ; — это — генуэзская башня, полуразрушенная, стоящая въ концѣ нынѣшняго ѳеодосійскаго бульвара. Тутъ же, по близости къ башнѣ, стоитъ старинный, полуразрушенный фонтанъ, который бываетъ большею частію безъ воды. Далѣе, вдоль берега, тянется бульваръ, т. е. единственная аллея, обнесенная деревьями; у бульвара и почти на всемъ берегу до пристани разбиты купальни; а еще далѣе, вдоль моря, на право по отлогой горѣ, къ которой прислонилась Ѳеодосія, раскинутъ и весь городъ. Первыя улицы его, параллельныя съ бульваромъ, довольно правильны, чисты и изрядно вымощены (здѣсь почти всюдѣ сохранилась еще старинная мостовая изъ булыжника, по которой и ходить и ѣздить довольно неудобно). Вдоль этихъ улицъ идутъ хорошія строенія, красивые домики, лавки, гостинница и пр. По выше, на горѣ, улицы перепутываются, становятся такъ узки, что въ нихъ сдва могутъ разъѣхаться два экипажа. Улицы эти, конечно, и не отличаются особенною чистотою; строенія здѣсь небольшія, одноэтажныя и большею частію старыя и приходящія въ разрушеніе. Съ 1857 года, когда было приступлено къ устройству московско-ѳеодосійской желѣзной дороги, старыя и приходившія въ разрушеніе постройки Ѳеодосіи, начинали было возраждаться и во многихъ частяхъ города возникло нѣсколько хорошихъ зданій.

За городомъ, на отлогой горѣ, находится кладбище, съ довольно красивою церковью. Это жилище мертвыхъ, на которомъ покоятся обитатели старой и новой Ѳеодосіи, втеченіи цѣлаго ряда вѣковъ. Отсюда видъ на городъ, на заливъ и на качающіяся въ немъ суда, необыкновенно живописенъ.

Далѣе, въ концѣ города, на горѣ высятся остатки генуэзскихъ укрѣпленій; а ближе къ морю, подъ горою, видны большія строенія карантина. Отсюда видъ на Ѳеодосію и на ея бухту еще живописнѣе: весь заливъ

ΤΗΕΟΔΟΣΙΑ
von Westen

ΘΕΟΔΟΣΙΑ
съ запада

изогнувшійся въ видѣ магометанской луны, со всѣми набережными строеніями, представляется вашимъ глазамъ; на гладкой синевѣ его бѣлѣютъ паруса, темная, обросшая мохомъ, генуэзская башня, о которой мы говорили, подымается на противуположной сторонѣ залива; влѣво, далеко зеленѣютъ сады и небольшія дачи ѳеодосійскихъ жителей, съ ихъ пестрыми строеніями. А внизу, у самыхъ стѣнъ карантина, волнуется море, омывая фундаментъ построекъ. Здѣсь вода въ морѣ до того прозрачна, что видны всѣ камешки на днѣ. Когда солнце озолотитъ послѣдними лучами своими весь заливъ и пестрѣющій городъ, то видъ этотъ бываетъ поразительно хорошъ.

Лѣтомъ ѲеодосІя бываетъ довольно оживлена. Вмѣстѣ съ ласточками, сюда начинаютъ наѣзжать больные и здоровые, — особенно же съ іюня мѣсяца, когда начинаются морскія купанья, которыя здѣсь очень удобны, по причинѣ отлогаго берега залива и хорошо устроенныхъ въ послѣднее время купаленъ. Каждый вечеръ, въ лѣтній сезонъ, ѳеодосійскій бульваръ бываетъ полонъ гуляющихъ, расхаживающихъ взадъ и впередъ подъ звуки музыки.

ѲеодосІя, общимъ видомъ своимъ, напомнитъ вамъ одинъ изъ небольшихъ итальянскихъ городковъ, у береговъ Средиземнаго моря. Мѣстоположеніе для города выбрано чрезвычайно счастливо: съ какой точки на него ни посмотришь, онъ отовсюду покажется вамъ удивительно живописнымъ. Особенно хороша ѲеодосІя съ моря: отсюда она рисуется большимъ городомъ, широко раскинувшимся по отлогой горѣ. Древнія башни такъ величественно подымаются надъ пестрѣющимъ городомъ; а далеко, на горѣ, красиво выдается небольшая часовня, во имя пророка Ильи, построенная, по преданію, какимъ-то шхиперомъ, по обѣту, послѣ избавленія отъ крушенія и гибели его судна.

КЕРЧЬ.

Керчь — одинъ изъ лучшихъ и едва — ли не самый лучшій изъ всѣхъ городовъ, находящихся на крымскомъ полуостровѣ. Она лежитъ на берегу *Босфора Киммерійскаго* или *Таврическаго пролива*, который соединяетъ Черное море съ Азовскимъ. Городъ расположенъ на сѣверной сторонѣ своей бухты, имѣющей подковообразную форму, и надъ нимъ подымается довольно высокая гора, круто спускающаяся къ морю и носящая классическое названіе *Митридатовой горы*.

Такое положеніе города уже само-собою показываетъ, что видъ на Керчь долженъ быть необыкновенно живописенъ. При входѣ въ бухту передъ вами открывается весь городъ. Красивыя зданія его унизываютъ весь берегъ моря и подымаются амфитеатромъ по крутымъ отлогостямъ горы, на вершинѣ которой виднѣется курганъ, покрытый огромными камнями и называемый „Митридатовой могилой.“ Нѣсколько ниже вы замѣтите огромную, выдающуюся скалу, которая почему то получила названіе *Митридатова кресла*. Почти на половинѣ горы возвышается красивое зданіе, съ колоннами, въ греческомъ вкусѣ. Это — „керченскій музей древностей.“ Отъ него широкая и прекрасная лѣстница спускается до обширной площади, лежащей передъ рядами красивыхъ зданій, которыя расположены по берегу моря. Два мыса, глубоко выдавшіеся въ Босфоръ и образующіе керченскую

Kertsch. Керчь.

бухту, возвышаются надъ всѣмъ проливомъ. Многочисленныя постройки карантина, расположеннаго на берегу однаго изъ этихъ мысовъ, съ высоко подымающейся надъ моремъ башнею, красиво рисуются съ моря; а множество судовъ, тѣснящихся вдоль берега, довершаютъ картину.

Такъ хорошъ видъ на Керчь съ моря. Но если вы взойдете на вершину Митридатовой горы, то отсюда, особенно передъ захожденіемъ солнца, Керчь представится вамъ еще болѣе красивою, еще болѣе живописною.

Усталый путешественникъ, взойдя на гору, съ удовольствіемъ сядетъ отдохнуть на камнѣ *Митридатова кресла*, и картина, которая откроется передъ его глазами, скоро заставитъ его позабыть объ усталости.

Вдали, на востокѣ, вы ясно различаете отсюда аліятскій берегъ керченскаго пролива или берегъ полуострова *Тамани*; — а на самомъ отдаленномъ краю этаго берега синѣютъ, покрытыя мглою, кавказскія горы, представляясь глазамъ въ видѣ спустившихся на горизонтъ облаковъ. Ближе стелятся пространныя степи, искрятся воды Босфора, со всѣми его заливами и пестрѣющими берегами; и видны на горизонтѣ полосы Чернаго и Азовскаго морей. Бѣлые паруса рыбачьихъ лодочекъ виднѣются по всѣмъ направленіямъ на водахъ пролива; темная, длинная тѣнь падаетъ отъ южнаго мыса у керченской бухты, или мыса *Акъ-Бурунъ*, т. е. *бѣлаго*, отчего еще ярче кажется блескъ воды, освященной заходящимъ солнцемъ; вереница судовъ тянется по заливу, и бѣгущій на всѣхъ парахъ пароходъ оставляетъ за собою темную полосу дыма. Верхушки кургановъ, возвышающихся вдоль керченской бухты, и всѣ строенія принимаютъ золотистый оттѣнокъ. Внизу, у подошвы горы, бѣлѣютъ зданія города и слышенъ отдаленный гулъ городской жизни. Взгляните теперь на сѣверную сторону: здѣсь, внизу разбросаны красивыя дачи и зеленѣютъ сады, а гдѣ-то далеко блеститъ узкая, длинная полоса Азовскаго моря. На югъ и юго-западъ, вдоль по горѣ, спускаются ряды кургановъ, за ними стелется гладкая степь, по среди которой возвышается отдаленная вершина замѣчательной горы *Опукъ*.

Керчь очень дѣятельный и оживленный городъ, заключающій въ себѣ около 30,000 жителей. По множеству иностранныхъ судовъ, бывающихъ въ его бухтѣ и проходящихъ черезъ Босфоръ въ азовскіе порты, и

по своей торговой дѣятельности, Керчь очень походитъ на одинъ изъ приморскихъ городовъ западной Европы. Большая площадь на берегу моря, окруженная колоннадою, всегда бываетъ полна пестрою толпою народа, особенно же въ базарные дни. — Постоянное передвиженіе въ проливѣ торговыхъ судовъ, проходящихъ въ Азовское море и идущихъ оттуда обратно, и правильное и частое посѣщеніе Керчи пароходами русскаго общества пароходства и торговли безпрерывно наполняютъ керченскую бухту судами и пароходами, а базарную площадь и торговые рынки Керчи различнымъ народомъ.

Счастливое мѣстоположеніе Керчи и ея близость къ Азовскому и Черному морю, близость и удобное сообщеніе со всѣми портами Европы и Азіи дѣлали то, что Керчь, во всѣ историческія времена, была однимъ изъ замѣчательныхъ приморскихъ городовъ. Въ древности на мѣстѣ нынѣшней Керчи, стояла *Пантикапея*, одна изъ цвѣтущихъ греческихъ колоній, служившая центромъ торговой дѣятельности древнихъ Эллиновъ на берегахъ Чернаго моря. Основанная Милезійцами въ VI вѣкѣ до Р. Х., Пантикапея вначалѣ была свободнымъ городомъ и управлялась археонактидами, но потомъ была подчинена Босфорскимъ правителямъ, и подъ именемъ Босфора сдѣлалась столицею знаменитаго Босфорскаго царства. Пантикапея, по извѣстіямъ древнихъ писателей, была однимъ изъ многолюднѣйшихъ и красивѣйшихъ городовъ греческихъ. О богатствѣ древней Пантикапеи можно судить по тѣмъ сокровищамъ, которыя теперь постоянно вырываютъ изъ земли въ окресностяхъ нынѣшней Керчи. Послѣ смерти Митридата, могущественнѣйшаго изъ царей Босфорскихъ и одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей древняго міра, Пантикапея подпала подъ власть Римлянъ, и хотя продолжала еще имѣть собственныхъ царей, но цари эти были не болѣе, какъ данниками Рима. Значеніе Пантикапеи постепенно падало при слабости ея правителей и вслѣдствіе частыхъ войнъ и разрушительныхъ набѣговъ варваровъ, превратившихъ ее въ груды развалинъ уже въ первые вѣка христіанства. Теперь знаменитая Пантикапея узнается только по тѣмъ нескончаемымъ рядамъ кургановъ, которые окружаютъ Керь со всѣхъ сторонъ, и гдѣ покоятся, вмѣстѣ съ древними обитателями Пантикапеи и вся ея древняя слава и богатства. Груды камней, едва замѣтные слѣды улицъ и разбросанныхъ стѣнъ,

да могильные курганы — вотъ все, что сохранилось отъ древней Пантикапеи. Она представляетъ теперь обширное поле мертвыхъ.

Пантикапея расположена была вокругъ Митридатовой горы и опоясывала ея со всѣхъ сторонъ. На самой вершинѣ горы находился *акрополь*, или укрѣпленная цитадель города. Отсюда обозрѣвалъ свой флотъ и свое воинство, собираясь идти на враговъ, знаменитый Митридатъ — Эвпаторъ, этотъ семидесятилѣтній, но еще бодрый старецъ, полный отваги и страстей и кипѣвшій такою ненавистью къ главнымъ врагамъ своимъ, — Римлянамъ. И здѣсь, въ этомъ акрополѣ, онъ окончилъ свою бурную жизнь, вслѣдствіе предательства роднаго сына своего.

Императорскій эрмитажъ въ Петербургѣ постоянно обогащается тѣми рѣдкими произведеніями древнегреческаго искуства, которыя находятъ и до сегодня въ керченскихъ курганахъ. Мраморныя статуи, амфоры прекрасной работы, покрытыя удивительною живописью, золотыя, серебряныя и бронзовыя украшенія самой изящной отдѣлки, множество древнихъ монетъ и другихъ чрезвычайно цѣнныхъ вещей, все это и до сихъ поръ вырываютъ изъ подъ земли на мѣстѣ древней Пантикапеи въ пантикапейскихъ курганахъ, вмѣстѣ съ человѣческими скелетами, покоющимися въ прекрасныхъ мраморныхъ саркофагахъ, съ барельефными украшеніями. Часто, при открытіи могилъ, можно еще видѣть платье, головные уборы даже волосы скелетовъ; но все это быстро превращается въ прахъ, отъ прикосновенія съ воздухомъ. Часть драгоцѣнныхъ вещей, извлеченныхъ изъ керченскихъ кургановъ, хранилась прежде въ керченскомъ музеѣ древностей; но во время войны однѣ изъ нихъ вывезены были изъ Керчи, до занятія ея союзными войсками; а другія, оставшіяся въ музеѣ, увезены были французами и англичанами. И теперь прекрасное зданіе Керченскаго музея пусто, о чемъ нельзя не пожалѣть.

КАРАСУБАЗАРЪ.

Карасубазаръ принадлежитъ къ числу чисто татарскихъ городовъ Крыма; онъ почти не измѣнилъ своей физіономіи со временъ хановъ и вполнѣ сохраняетъ до сихъ поръ свой восточный характеръ. Это почти тотъ-же Бахчисарай или Акъ-мечеть, о которыхъ мы уже говорили; разница между ними заключается только въ томъ, что Карасубазаръ гораздо обширнѣе и можетъ назваться городомъ исключительно торговымъ и промышленнымъ, потому что, какъ во времена хановъ, такъ еще и теперь, въ Карасубазарѣ сосредоточивается, главнымъ образомъ, вся внутренняя торговля и промышленность Крыма.

Карасубазаръ можетъ заинтересовать своимъ внѣшнимъ видомъ и своею оригинальною жизнью всякаго путешественника, незнакомаго съ городами востока. Пространно раскинувшись по равнинѣ, онъ стоитъ при рѣчкѣ *Кара-Су*, или „черная вода“, (отъ которой и получилъ свое названіе „базара на черной водѣ, или рѣчкѣ“) и окруженъ со всѣхъ сторонъ высокими мѣловыми горами. Довольно грязныя, но когда-то вымощенныя на восточный ладъ, улицы города кривы и неправильны, и съ обѣихъ сторонъ обставлены лавками. Лавки эти защищены отъ солнца и дождя широкими навѣсами, утвержденными на высокихъ столбахъ, что дѣлаетъ какъ лавки, такъ и улицы необыкновенно темными.

Пестрые домики, напоминающіе татарскія строенія Бахчисарая, окружены деревьями и садиками. Но

Nach Photogr. gez. u. gest. Bernhard Bertrand in Leipzig

Karasybazar. — Карасубазаръ.

они скрываются такъ тщательно за высокими каменными стѣнами, что едва можно подозрѣвать о существованіи въ городѣ зелени и деревьевъ. Пространныя площади, широко раздвигающія Карасубазаръ, имѣютъ пустынный и непривлекательный видъ. Только минареты у двадцати двухъ, существовавшихъ въ Карасубазарѣ, татарскихъ мечетей возвышаются надъ прочими строеніями города; архитектура мечетей тяжела и некрасива.

Изъ городскихъ зданій заслуживаютъ упоминанія по своей оригинальности такъ называемые *Ханы*, или *Каравансараи*, которыхъ въ Карасубазарѣ насчитываютъ отъ 20 до 30 и которые, видомъ своимъ, рѣшительно напоминаютъ каравансараи Персіи и Грузіи. Это заѣзжіе дома, гдѣ останавливаются обыкновенно странствующіе восточные купцы, извощики и т. д. Самый большой изъ нихъ, называемый *Ташъ-Ханъ*, очень старое, большое двухъ этажное зданіе, печальное по наружности и оригинально устроенное внутри. Построенное четвероугольникомъ, оно представляетъ со всѣхъ четырехъ сторонъ голыя мрачныя стѣны; а внутри ихъ идетъ родъ крытой улицы; нижній этажъ занятъ лавками, верхній, съ большими окнами, служитъ собственно каравансараемъ, т. е. служитъ для помѣщенія путешественниковъ.

Главное населеніе Карасубазара составляютъ татары, евреи и армяне. Большая часть изъ нихъ занимается торговлею и разными промыслами. Въ торговлѣ отличаются особенно армяне, которымъ принадлежатъ почти всѣ лучшія лавки въ городѣ. Промышленность Карасубазара заключается, главнымъ образомъ, въ выдѣлкѣ кожъ и сафьяновъ, въ производствѣ почти на весь Крымъ татарской обуви, татарскихъ ножей войлоковъ и тому подобныхъ вещей, необходимыхъ въ жизни и въ хозяйствѣ татаръ.

Всѣ эти произведенія продаются по обѣимъ сторонамъ узкихъ улицъ, въ лавкахъ, число которыхъ, до выселенія татаръ изъ Крыма, насчитывали до девятисотъ.

Рѣчка Кара-Су или Біюкъ Кара-Су, надъ которой расположенъ Карасубазаръ, очень обильна водою и землю, черезъ которыя она протекаетъ, отличаются большимъ плодородіемъ. По Кара-Су лежатъ много богатыхъ имѣній, съ превосходными фруктовыми садами, дающими значительные доходы.

Отъ временъ татарскаго владычества осталось въ Карасубазарѣ часть укрѣпленій, окружавшихъ городъ; но они не представляютъ ничего замѣчательнаго; каравансарай, о которомъ мы говорили, одна изъ мечетей некраснваго вида и пространные широко раскинувшіяся мусульманскія кладбища. Хотя эти жилища мертвыхъ постоянно пополняются новыми обитателями, но тѣмъ не менѣе необыкновенная обширность занимаемаго ими пространства доказываетъ, что въ былое время Карасубазаръ былъ весьма населеннымъ городомъ.

Пространныя татарскія кладбища Карасубазара расположены обыкновенно на возвышенностяхъ, и съ одной изъ нихъ видъ на городъ чрезвычайно живописенъ. И кто, не въѣзжая въ Карасубазаръ, вздумаетъ посмотрѣть на него съ этаго кладбища или вообще съ сосѣднихъ высотъ, тотъ найдетъ его весьма картинно расположеннымъ городомъ. Роскошные сады, тянущіеся вдоль Кара-Су, рисуются отсюда во всей своей красѣ; а передъ ними пестрѣютъ городскіе домики въ тѣни тополей, фруктовыхъ и большихъ орѣховыхъ деревъ; всѣ строенія города, церкви, мечети и высокіе минареты кажутся разбросанными въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. Къ югу отъ города темнѣетъ цѣпь таврическихъ горъ, то поросшихъ лѣсомъ, то выступающихъ обнаженными утесами; къ западу бѣлѣютъ почти вертикальныя стѣны мѣловыхъ горъ; къ сѣверу развертывается безбрежная пространная степь и кое-гдѣ вдали пестрѣютъ татарскія деревни. Пейзажъ этотъ чрезвычайно хорошъ, и Карасубазаръ, снятый à vol d'oiseau, представляется необыкновенно красивымъ городомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Симферополь	27
Бахчисарай	30
Чуфутъ-Кале	36
Евпаторія	41
Севастополь	44
Георгіевскій монастырь	49
Балаклава	53
Алупка	56
Оріанда	61
Ливадія	65
Ялта	68
Аутка	72
Урзуфъ и Аюдагъ (Медвѣдь-гора)	75
Алушта	80
Судакъ	84
Кизильташъ и Скитъ св. Стефана Сурожскаго	87
Коктебель	89
Ѳеодосія	92
Керчь	96
Карасубазаръ	100

Примѣчаніе: На страницѣ 21 стр. 11. напечатано: въ 1797 году-читай: въ 1771 году.

ЛЕЙПЦИГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГИЗЕКЕ И ДЕВРІЕНЪ.